

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

**ВСЕМ ЖЕНЩИНАМ
ДОЛЖЕН**

Владимир Колычев

Всем женщинам должен (сборник)

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Всем женщинам должен (сборник) / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2016

ISBN 978-5-699-88782-8

Катя чертовски умна. А Дима – не только привлекателен. У него деньги и собственный серьезный бизнес. Дело за малым – увести его от жены и жить, купаясь в роскоши. Надо только немного постараться, «включить» женские чары. Мечется между своими женщинами несчастный бизнесмен, дарит машины и обещания – словно по острому ножу ходит. И непонятно, кто же в конце концов его этим самым ножом ударил. Что это было? Месть за оскорбленные чувства? Или покушение на убийство из-за денег? Майор Табачный и опер Плошников сбились с ног, распутывая клубок страстей, пока наконец не вышли на третью подозреваемую – Риту, давнюю подругу жены Димы и по совместительству... его любовницу.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88782-8

© Колычев В. Г., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Всем женщинам должен	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Колычев

Всем женщинам должен (сборник)

© Колычев В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Всем женщинам должен

Глава 1

Зимняя сказка: тихое кружение снежинок, легкий морозец, яркое серебро на деревьях, белые скатерти на крышах, хрустящие ковры под ногами. Но главное в такой сказке – Снежная королева на белых санях М-класса.

Дима не удержался, сошел с крыльца, приблизился к машине, открыл дверцу. Катя даже не улыбнулась в знак благодарности. Более того, она не оперлась на поданную руку. И от поцелуя увернулась.

Из машины девушка выходила с грацией королевы, хотя больше чем на принцессу не тянула. Даже в той сказке, которую создавал для себя Дима, не тянула. По статусу королева – его жена, а Катя всего лишь любовница. И не понятно, что это вдруг она о себе возомнила.

Красивая – с этим не поспоришь. Роскошные светло-русые волосы, тонкий профиль, изящные черты, соблазнительные губки, фигурка... Короткое норковое манто, под ним обтягивающие брюки, подчеркивающие стройность длинных ног. Выглядела она очень сексуально... Но для кого она так одевалась? И откуда вернулась в плохом настроении? Кто не оценил ее по достоинству? На кого она обиделась?..

Дима, нахмурившись, смотрел на свою любовницу. Ощущение такое, будто душу поставили на огонек ревности: она еще не закипала, но над сосудом уже клубился дымок. Где была Катя? С кем?..

Он открыл заднюю дверь, заглянул в салон. Никого. А ведь могла и красавчика с собой какого-нибудь привезти. Дима не планировал к ней сегодня заезжать, и она могла дать слабину.

Катя удивленно посмотрела на него. Удивленно, с легкой насмешкой, в которой угадывалась издевка.

– О чем ты подумал?

– О том, что ты сегодня сама не своя.

– Холодная?

– Похоже на то.

– А погода сегодня какая?.. Да и вообще...

– Что – вообще?

– Там продукты в багажнике... И машину нужно загнать... Сам знаешь, гараж у меня маленький.

Катя поднялась на крыльцо, зашла в дом. Дима проводил ее слегка обалдевшим взглядом. Гараж у нее маленький!.. Может, и машина маленькая? Хорошая, но недостаточно большая, ей бы «Мерседес» покрупней, так что ли? А может, размер кое-чего другого не устраивает? Не та величина для ее маленького гаража. Может, она и блуждала по городу в поисках подходящего размера?..

А гараж при доме действительно неважный. Машина становилась задом почти впритык, а ворота закрывались сантиметрах в двадцати от переднего бампера. И дом у Кати – не дворец. Стандартный полуторазэтажный коттедж девять на двенадцать. И участок всего восемь соток. Дом под минеральной шубой смотрится очень хорошо. Но не дворец. Никакого сравнения с тем домом, в котором жил сам Дима. С женой. Может, потому Катя и злится? Она совсем не прочь узаконить отношения с ним.

Дима поставил машину в гараж, занес продукты в дом, заполнил ими холодильник. Отделка в доме полноценная, светлые крашенные стены, темные двери. Мебель не самая доро-

гая, но все в стиль и к месту. Кухня с полным набором бытовой техники. И все это в подарок. За его счет. Кате грех жаловаться.

Пока она пропадала на втором этаже, он приготовил ужин. Омлет, сосиски, салат из огурцов и помидоров. Просто, но лучше так, чем ничего. Катя училась в институте, возвращалась домой не раньше шести, долго приводила себя в порядок... Впрочем, на ужин можно было найти время, тем более готовить она умела. И даже хотела. Иногда.

Он накрыл стол, откупорил бутылку вина. В этот момент появилась Катя. Волосы высушены, уложены, на лице свежий макияж, на открытой груди кулон с камнем под цвет глаз. Короткое платье с декольте и открытой спиной, домашние тапочки на каблукке. Аромат французских духов – запах желанной женщины.

– Ты еще здесь? – с наигранным удивлением спросила она.

– А где я должен быть? – недоуменно повел бровью Дима.

– Дома. С женой.

– Ты этого хочешь?

– Так должно быть.

– Ну, в жизни всякое бывает.

– В жизни бывают отклонения, – кивнула она. – Любовница – это отклонение.

– Будешь читать мне морали?

– Нет, ты просто должен уйти.

– А кто должен прийти? – начал заводиться он.

– Мой муж, – не моргнув глазом, сказала она.

– Твой муж?! – ошалел от возмущения Дима.

– Его еще нет. Но будет. Когда-нибудь.

– С кем ты путаешься? – вскочил он.

– Я не путаюсь. И даже не флиртую. Но все возможно... Я уже взрослая девушка, мне двадцать два года.

– И тебе пора замуж?

– Да, пора замуж... Но поскольку ты меня не берешь...

– Это шантаж!

– Ты не хочешь разводиться с женой. И правильно делаешь. Но у меня есть право на личную жизнь. Так что извини... – Катя показала взглядом на дверь.

– Вообще-то это мой дом. Я его купил. На свои кровные.

Катя могла предъявить встречный аргумент в виде дарственной на дом. Дима в свое время так был ослеплен ее красотой, что подарил ей и дом, и машину. Но только сейчас пожалел о своей глупости...

– Да, конечно... – Она повернулась и направилась к лестнице.

– Ты куда? – насторожился Дима.

– К маме... Я возьму машину, можно? Потом подъедешь, заберешь.

Дима промолчал. Уж он-то знал, какие спектакли могут устраивать женщины. И знал, как реагировать на их самодеятельность. Главное, не вмешиваться и с терпением опытного зрителя досматривать пьесу до конца. Аплодировать нельзя, нужно просто уйти и оставить «актрису» наедине с пустым залом. Только так она поймет, что спектакль провалился. Ничто так не усмиряет пыл актера, как творческая неудача.

Катя оделась, вышла из дома, села в машину и уехала. Дима даже не пытался ее остановить. Пусть играет, пока не иссякнет творческий порыв.

К элитной застройке на окраине Междуреченска вели две дороги – одна тянулась от города, другая из поселка Крюковский. Вика возвращалась домой по городской дороге, а Дима,

как правило, по сельской. В Крюковском у него были и завод, и офис агрокомплекса, которым он управлял.

Но сегодня он приехал домой из города. От любовницы. Жена и дочь были уже дома. Вика сидела в столовой за барной стойкой и курила, хмуро глядя в окно. Мужа она встречать не вышла. Плохой знак. Света лишь на минутку выбежала к отцу, поцеловала его в щеку и убежала в свою комнату. Шесть лет девчонке, а она из компьютера не вылезает. Как бы очки выписывать не пришлось.

– И что это значит? – спросил он, забрав у Вики сигарету.

– Надеюсь, тебя покормили? – спросила она.

– Где?

– В гнезде!.. У тебя, говорят, второе гнездышко появилось?

– Кто говорит? – похолодел Дима.

Разумеется, он скрывал от жены существование любовницы, но тайное обладало одним нехорошим свойством – рано или поздно оно становилось явным. Когда-то это должно было случиться и с ним.

– Не важно кто, важно что... Улица Фрунзе, дом шестьдесят три, так? Зовут Катя.

– Кого зовут Катя? Дом?

– Не придуривайся, тебе это не идет.

– Тебя подло обманули.

– Будь мужчиной, тебе это идет больше.

– Быть мужчиной – это согласиться с ложью?

– Быть мужчиной – это значит не быть свиньей!

Вика поднялась с барного стула, полоснула по мужу острым, режущим взглядом и вышла из столовой.

Красивая она. У Кати красота яркая, зажигательная, а у Вики – тихая, спокойная, глубокая, проникновенная. У Кати светлые волосы и голубые глаза, у Вики – темные волосы и карие глаза. Одной двадцать два года, другой – двадцать шесть...

Вика ушла, а Дима полез в кастрюлю, в которой под шерстяным фартуком томилась тушеная капуста с мясом. Больше на ужин ничего не было, но, возможно, Вика и это считала излишеством. В обиде она. В обиде, которая могла обернуться семейной катастрофой.

И Янины Сергеевны нет: возможно, Вика нарочно дала ей отгул, чтобы та не смогла поухаживать за мужем. Впрочем, Дима и сам способен себя обслужить. Он положил еду в тарелку, достал бутылку виски, плеснул немного в бокал, сел за барную стойку.

Катя устроила ему сцену, Вика ее поддержала. Сговорились они, что ли?.. Одна не хочет быть любовницей, другая не хочет быть обманутой женой... А как быть ему?

Он выпил, ковырнул в тарелке, закурил.

Вика не должна обижаться на него. Она знала, за кого выходила. Бабником он был страшным. Более того, Вика сама отбила его у своей подруги. Скандал у них с Ритой был, ругались страшно. Из-за него ругались, чуть не подрались. А он еще тогда посмеивался над ними. Может, потому и Вику всерьез не воспринимал. Пока встречался с ней, успел переспать с Галкой, Ленкой и Людкой. И это при том, что работы у него было невпроворот. Отец ему сахарный завод в Крюковском отписал, а там восемь лет назад такой бардак царил! Дима по колено в дерьме стоял, расчищая эти авгиевы конюшни, но при этом успевал и за птичками охотиться, и по гнездышкам их шариться. Даже к Рите пару раз домой заезжал, поклонны бил, грехи замамливал. И все так здорово было...

А потом он вдруг резко повзрослел. Двадцать семь лет, жениться пора, и невеста под рукой – далеко ходить не надо. Так и женился на Вике. Уж как она была этому рада! Знала, как он при ней кобелировал, но отказаться от замужества и в мыслях не было.

После свадьбы Дима почувствовал себя еще более взрослым. И с головой ушел в работу. Целых три года ни с кем, кроме жены, не был. А потом опять повело в сторону, появилась Даша. Но с ней он быстро завязал и больше ничего такого себе не позволял... Разве что с Инной. Разок. Другой... Целый год он держался, пытаясь быть верным семьянином, но потом появилась Катя. И он снова ослеп. Но голову не потерял. Не собирался он бросать жену и ребенка ради очередной красотки... А то, что дом и машину Кате купил, так в этом проявилось его серьезное отношение к жизни. Он больше не метался в поисках очередного развлечения. Зачем, когда к нему пришла стабильность? Жена и любовница – все, больше никого. Вика и Катя дополняли друг друга, были фундаментом, на котором он твердо стоял и смело смотрел в будущее.

И вдруг этот фундамент дал трещину. И на душе стало тоскливо. Дима утратил уверенность в своих силах. Но у него не возникло желания найти себе другую женщину, а вместе с ней и новую гавань. Ему нужны были обе: и Вика, и Катя. Он не хотел их терять...

Тридцать четыре года для мужчины – самый расцвет. А если мужчина еще и ухаживает за собой, поддерживает форму, то старым его никак не назовешь. Разве что только назло. Да и то не поверят... Дима следил за собой. Живот у него, может, уже и не плоский, но на второй подбородок нет даже намека. И чувствовал он себя молодым. Но любовницу это уже не устраивало.

Дима сидел в машине и, кусая губы, смотрел на Катю, которая брела по аллее вдоль главной городской площади с каким-то типом лет двадцати пяти. Он что-то увлеченно говорил ей, а она улыбалась. Походка неторопливая, расслабленная. Катя не пыталась вилять задом, как она это умела. Сейчас она была похожа на школьницу, которая прогуливала уроки в компании влюбленного в нее одноклассника. В приятной для нее компании. Она еще не втюрилась в своего сопляка, но уже думала о связи с ним...

Нет, не школьница – студентка. И гуляет с влюбленным в нее сокурсником. Ей домой надо ехать, пироги для своего мужчины печь, а у нее променады по городу. И машина где-то далеко... Ну да, она же отказалась и от дома, и от машины. Дима даже не пытался отобрать у нее подарки, но и она ими не пользуется. Все цену себе набивает. В компании с каким-то неудачником. Видно, что парень простой – как по содержанию, так и по форме. Дешевое полупальто, китайские джинсы, ботинки из кожзама. Черты лица грубые, простецкие... Волосы вихрастые, непослушные...

Ходит с непокрытой головой. А на улице мороз... Может, ему денег на шапку дать?

Дима коварно улыбнулся, вышел из машины, настиг Катю и перегородил ей дорогу.

– Гуляешь? – ехидно спросил он.

– Гуляю. – Она даже не пыталась оправдываться или язвить.

Зато его понесло.

– О кавалере своем не заботишься, – ухмыльнулся он, косо взглянув на парня. – Холодно, а он без шапки. Последние мозги застудит.

– Я не ношу шапку, – стараясь сохранять спокойствие, сказал парень. – И с мозгами у меня все в порядке.

– Да? Я тоже не летаю на частном самолете, – доставая бумажник, кивнул Дима. – Потому что у меня его пока нет. Но будет... И у тебя шапка будет.

Он достал две пятитысячные купюры, протянул парню:

– Магазин знаешь где, пойдешь и купишь.

– Убери, – все так же спокойно, но уже с угрожающими нотками в голосе сказал тот.

– Дима, не надо, – предостерегающе покачала головой Катя.

– Почему не надо? Человек хочет сделать добро...

– Не делай добра, – жестко отчеканил парень. – Не получишь зла.

– Что за упадничество?.. Бери, бери!..

Он попытался засунуть деньги парню в карман, но тот вдруг дернулся и ударил Диму локтем в челюсть. В голове что-то взорвалось, сознание кувыркнулось в воздухе и ухнуло в дымящуюся воронку. Там его и засыпало землей...

Когда пришел в себя, парня уже не было. Дима сидел на скамейке, а Катя держала его за руку.

– Где этот урод? – вскинулся он.

Но Катя вцепилась в его руку и удержала, потянув на себя.

– Ты сам виноват! Нельзя унижать людей!

– А он человек?

Катя выразительно посмотрела на него. Да, с ней был человек, и Дима его унижил. И глупо утверждать обратное... А она умела убеждать взглядом.

– Кто он такой?

– Его зовут Вадим.

– Мне все равно, как его зовут! Кто он такой?

– Просто знакомый...

– Это ты его в мужа присмотрела?

– Нет, не присмотрела. Но все возможно...

– Ты меня дразнишь?

– Нет... Просто я думаю, как жить дальше. Любовницей я быть не хочу... Да, вот, должна тебе отдать.

Катя достала из сумочки ключи от квартиры и от машины, протянула Диме. Он пожал плечами, взял и засунул их в карман пальто. Он не собирался ничего у нее отнимать, но и одной в доме ей делать нечего... Пусть с мамой живет, Валентина Дмитриевна – женщина строгая...

– Я пойду? – спросила Катя.

– А если я тебя не отпускаю?

– Мне уже пора.

– Понятно.

Дима знал, что Катя уйдет в любом случае. Что ж, скатертью дорога.

Она вяло помахала ему ручкой и поднялась со скамейки.

– Шубу почтой пришлешь? – Он не должен был ей этого говорить, но слова сами сорвались с языка.

Она обернулась и посмотрела на него с презрительной улыбкой:

– Не будь мелочным.

Катя не осуждала его. Она просто давала ему житейский совет.

– Не будь душой! – сказал он в ответ.

– Не буду! – кивнула Катя.

И была такова. Преследовать ее он не стал. Пусть проваливает!..

Восемнадцать часов ноль-ноль минут – даже для зимы время раннее. Но Дима уже дома. Как примерный семьянин. Светка видела, как он заезжал во двор, спустилась к отцу из своей комнаты. Экономка Янина Сергеевна пригласила на ужин. А Вика даже носа не показала.

– Мама дома? – спросил он у дочки.

– Мама! – колокольчиком зазвенела дочь.

И бегом на второй этаж, только ее и видели. У дочки свои дела. То, что мама не спустится к отцу, девочки не касается. Не понимает она еще, что родители могут развестись.

Янина Сергеевна накрыла на стол, ушла на кухню и там, готовая предстать перед хозяином по первому требованию, затихла. По местным меркам женщина получала приличные деньги, поэтому делала все, чтобы угодить хозяевам. Более того, она знала, как расположить

их к себе. Во всяком случае, никаких претензий к ней не было. Сама по дому управляется, без помощниц, и все у нее в полном порядке. И собой хороша, хотя уже в возрасте – через пару лет сорок будет. Если бы Дима захотел, она и в койку бы к нему на часок запрыгнула, лишь бы ее не уволили. Но зачем искушать женщину? Да и он еще не опустился до того, чтобы гадить в собственном доме. Но сама по себе мысль об интрижке с Яниной нет-нет да и оживала в обиженном сознании.

Дима закончил ужин. Вика так и не появилась. Оскорбленную невинность из себя изображает. И наверняка ждет, когда он извинится перед ней... Он-то готов попросить у нее прощения. Но почему она не вышла к столу?

Дима достал из бара бутылку виски, наполнил бокал, но пить не стал. Может, сесть за руль да махнуть в город? Прощвырнуться по центральной улице, вспомнить молодость, когда он с легкостью баловня судьбы снимал девчонок, а потом кувыркался с ними на заднем сиденье...

Но ему не нужны другие. Ему нужна Вика... Он выпил, закурил. Снова выпил. И так смог удержать себя от соблазна отправиться на вольную охоту. Нельзя ездить пьяным за рулем...

Он сидел за стойкой, пил, закусьивал, курил. И ждал, когда Вика сама спустится к нему. Но не дождался. Так и заснул на диване в соседнем каминном зале...

На заводе запущена новая линия, работает она со сбоями, постоянно возникают проблемы, которые требуют его личного участия. Он должен быть на заводе, а ему приходится следить за собственной женой.

Вика могла узнать об измене мужа и устроить ему бойкот. Могла. В этом нет ничего необычного. Но почему все произошло в тот же самый день, когда в позу встала Катя? Что это за бабий бунт? А если сговор?..

Он следил за Викой, не встречается ли она с Катей? Вдруг жена снюхалась с любовницей и решила устроить мужу веселую жизнь? Такое бывает.

Но могло быть и так: Вика начала встречаться с другим мужчиной... И у Кати мог закрыться роман на стороне, и у Вики. И все в одно время. Как говорится, пришла беда – открывай ворота. Если так, то и сговора никакого нет...

Вика преподавала в музыкальной школе.

Дима в помещение не заходил. Он сидел в машине и наблюдал. Он видел, как Вика села в свой «Лексус», съездила за Светой – забрала дочь из детского садика и вместе с ней вернулась в музыкальную школу. Никаких мужчин. Не встречалась она ни с кем. И сегодня, по всей видимости, уже не встретится. Если дочь с ней, точно не встретится. И домой они отправятся вместе, другого варианта быть не может. А раз так, то пора снимать наблюдение и возвращаться к работе.

Он уже собирался уезжать, когда Вика вышла из здания. Одна вышла, без дочери. Она подошла к постаменту с бюстом Чайковского, остановилась и недовольно посмотрела на высокого статного мужчину в кожаном пальто, направлявшегося к ней. На ней была шуба, меховая шапка – она не должна мерзнуть, но вид у нее был такой, как будто она озябла. Вика прижала руки к груди, как будто удерживала пуховый платок, который существовал только в ее воображении.

Мужчина подошел к Вике, улыбнулся, она вяло кивнула в знак приветствия. Что-то спросила. Мужчина развел руками, она покачала головой и, повернувшись к нему спиной, собралась уходить. Он потянулся к ней, взял за плечо, пытаясь удержать. Дима хотел было выскочить из машины, но Вика избавилась от незнакомца самостоятельно: просто скинула с плеча его руку. Мужчина с тоской посмотрел ей вслед. Так смотрит несчастный влюбленный...

А как он улыбался, когда шел к ней? Примерно с такой же улыбкой Дима позавчера приехал домой. Думал, жена выйдет к нему, приветит, обнимет, а получился облом. Наверное, и этот рассчитывал на милость любовницы, но Вика была не в настроении. А может, просто

сказала, что с ней дочь и она не может сейчас поехать с любовником, например, в гостиницу с почасовой оплатой...

Пока Дима кормил предположениями свое воспаленное воображение, мужчина исчез из виду. Был и вдруг потерялся. Впрочем, он и не собирался его преследовать. Не было желания выглядеть рогоносцем. Дима просто сел в машину и поехал на завод. Нужно заняться делами, отвлечься от тягостных мыслей. А вечером, когда он вернется домой, Вике от вопросов не уйти...

А может, нужно продолжить наблюдение? Выяснить, что за мужик крутится вокруг жены? И как она реагирует на вихревые токи? Вдруг она реагирует на них в постели с любовником?..

Глава 2

Холодно на улице, мороз разыгрался. Зима на исходе, потому и злится. Студеная погода, но делать нечего, нужно выходить на улицу. Местечко у Риты в бухгалтерии «Горэнергосбыта» теплое, однако рабочий день уже закончился. Семнадцать часов, пора домой. Иван сегодня за ней не заедет, командировка у него, придется пешком. Но ничего, пальто у нее добротное, с меховым воротником. И сапоги с мехом. На голову, правда, ничего нет, но пышные волосы – сами по себе как шапка.

Рита вышла к остановке, улыбнулась. Рабочий день закончился, хоть какая-то радость. Ивана сегодня не будет, но это не страшно. Хороший он мужчина, но не любит она его. И даже хорошо, что вечер она проведет в одиночестве. А там и Женя появится. Рита накормит сестру ужином, и спать...

Вдали показался автобус. Рита снова улыбнулась. Ей всего три остановки проехать – любой маршрут устроит, а это значит, что скоро она будет в тепле.

Но раньше автобуса перед ней остановился черный внедорожник «Мерседес». Из машины выскочил симпатичный мужчина в теплом полупальто с норковым воротником. Рита не могла его не узнать.

– Девушка, давайте быстрее! – Одной рукой он открыл дверь, другой взял Риту под локоток.

– Куда быстрее? – Она выдернула руку.

– Здесь остановка запрещена! Поехали! – Дима снова взял ее за руку.

Автобус приближался, его машина мешала ему подъехать к остановке. А он настойчивый, от него так просто не отвяжешься. Легче согласиться...

Рита села в машину, Дима занял место за рулем. Водитель автобуса недовольно посигналил, но «Мерседес» уже резко набрал ход. Риту приятно вдавило в спинку сиденья. У Ивана машина не такая мощная. Да и сам Иван не так хорош, как Дима...

– Откуда ты взялся?

– Да вот, мимо проезжал... Ты все такая же красивая. И улыбка у тебя просто прелесть!.. Смотрю, что-то светится, подъезжаю – ты!

– Ты как был балагуром, так и остался... Или баламутом?

– А есть разница?

– Разница в том, что у тебя есть жена.

– А у тебя?

– Жена?

– Нет, муж... Или жена?

– Ни мужа, ни жены...

– Счастливая.

– С чего это?

– Брак – это ярмо.

– Если с нелюбимым...

Рите исполнилось двадцать семь, в этом возрасте женщина должна быть замужем, сама природа того требует. Именно поэтому она приняла предложение, которое сделал ей Иван. Стерпится – слюбится. А не полюбит... все равно будет с ним. Иван спокойный, рассудительный, обстоятельный, и он будет верным мужем. А Дима как был бабником, так им и остался...

Но лучше бы она жила с Димой. Лучше бы терпела его измены... Любит она его. И всегда любила. С тех пор как повстречала его. Давно это случилось, восемь с лишним лет назад.

Она уже тогда встречалась с Иваном, строила планы на будущее. В то время она даже думала, что любит его. И готовилась расстаться с девственностью. Но появился Дима, и земля ушла из-под ног.

Он, как и сегодня, подъехал к ней на машине, вышел, взял ее за руку, заглянул в глаза. Рита и тогда не хотела садиться к нему, но Дима взглядом вытянул из нее душу. И она пропала... В тот же вечер она рассталась с девственностью. Прямо на заднем сиденье его новенькой «Шкоды». Такая вот шкода с ней тогда случилась...

Она потеряла голову, рассталась с Иваном, но вскоре Дима порвал с ней. Он переключился на ее лучшую подругу Вику, потом у него появилась Галка. Это был какой-то кошмар. Рита бегала за ним, пытаясь его вернуть, вскоре к ней присоединилась и Вика, которую он тоже бросил. Дима бегал от них обеих, а они продолжали ненавидеть друг друга. А ведь подругами были неразлейвода... В конце концов Дима сошелся с Викторией, женился на ней. А Рита сдалась. Но любить не перестала...

Иван женился на другой, а Рита продолжала жить своей одинокой жизнью – работать, заботиться о своей непутевой младшей сестренке. Дни сползали в Лету, как муравьи с подоконника – под плинтус... В позапрошлом году Иван развелся со своей женой, пришел к Рите, и она его приняла – чтобы придать своей никчемной жизни хоть какой-то смысл.

И вдруг Дима!.. Все такой же баламут, аж страшно!.. И волнительно...

– Это ты о ком? – спросил он.

– Или с нелюбимой... – тихо сказала Рита.

Чего уж греха таить, хотела бы она, чтобы Дима разлюбил свою Вику... Если он ее вообще любил...

– Я люблю свою жену.

Похоже, он понял ее. Потому и в голосе звякнула металлическая нотка.

– Я рада за вас.

– Но я и тебя люблю...

– Да, конечно... – саркастически усмехнулась она. – Ты всех женщин любишь.

– Не всех, – расплылся он в улыбке. – Только красивых и обаятельных. Таких, как ты.

– Я тебе верю. В чем в чем, а в любвеобильности тебе не откажешь. Тебя на весь земной шар хватит.

– Осталось только спросить у земного шара, хочет ли он меня.

– Спрашивай. Отвези меня домой и спрашивай, сколько хочешь.

– А что дома делать? Сериалы смотреть?

– И сериалы тоже.

– Как там Женька, выросла поди?

– Восемнадцать.

– Учится?

– Колледж заканчивает.

– Такая же красивая, как ты?

– Красивей меня, Дима, никого нет, – скорее в шутку, чем всерьез, сказала Рита.

Но как же ей хотелось, чтобы желаемое совпадало с действительностью.

– Так я и не спорю... Значит, домой?

– Домой.

– А на чашечку кофе пригласишь?

– У меня кофе дешевый. Вы с Викторией, наверное, выкаканый кофе пьете.

– «Копи лювак»?.. Нет, у нас в жизни свои копи... А ты язва!

– Да, и скажи, что ты меня из-за этого бросил.

– Я не бросал.

– Ты просто прошел мимо. Мимоходом полюбил, мимоходом ушел к другой.

– Молодой был, ветер в голове... Я любой кофе пью. Позовешь?

– Нет.

– Почему?

– Не надо ничего... Уезжай! – Рита махнула рукой в сторону.

Он внимательно посмотрел на нее, на секунду позабыв о дороге. Потом с затаенной улыбкой сказал:

– Ну, хорошо.

Он знал, где она живет, подвез ее к дому. Сильный ветер смахнул с сугроба ворох снега, швырнул в лобовое стекло.

– Прощай!

Рита уходила не от него, она убегала от себя. Убегала в ожидании, что Дима догонит ее, остановит. Но нет, он так и не вышел из машины.

Их с Женей двухкомнатная квартира казалась уютным гнездышком, в котором Рита мирно уживалась со своим одиночеством, но сейчас она почувствовала себя здесь как в клетке. И ей хотелось вырваться на свободу. Душа рвалась в машину, которая стояла под ее окнами. В машину, в которой сидел Дима. А он как будто знал, что с ней происходит, и поэтому не уезжал.

Она позвонила Жене:

– Ты где?

– С Иришей.

Рита не видела сестру, но угадала оскомину на ее лице. Не нравилось Жене, что старшая сестра учит ее жить. Ей уже восемнадцать, она ну очень взрослая...

– Понятно, что с Иришей. У кого?

– Ты их не знаешь...

– Кого их?

– Все, пока... – Трубка разразилась короткими гудками.

У Жени своя жизнь – учеба для галочки, подруги, друзья, компании. Она запросто могла вернуться домой за полночь, а то и вовсе остаться в гостях. И непонятно, с кем... Но в дом своих парней пока еще не приводила. Пока...

Рита очень переживала за сестру, но сейчас больше думала о себе. В конце концов, кто ее пожалеет? Иван? Но разве он захочет слушать, как она любит Диму?..

А Дима не уезжал. Рита приняла душ, переоделась, высушила волосы. А его машина все стояла во дворе, под качающимся на ветру фонарем.

Рита приготовила ужин. Смешала муку с творогом, замесила тесто, сварила «ленивые». Глянула вниз – машина все стоит. Тогда она поставила турку на плиту. Кофе так кофе...

Если Дима ждал, что Рита сама спустится к нему и позовет на огонек, ему повезло. Он добился своего. Она сама открыла дверь в его машину.

– Ты все еще здесь? – спросила она, с безобидным укором качая головой.

– Кофе готов?

Он заглушил двигатель, вышел из машины. Они поднялись на четвертый этаж, Рита открыла дверь.

Сначала он помог ей снять пальто. Затем она вдруг осталась без халата в короткой ночнушке с кружевной бахромой. Обычно она ее после душа не надевала, но сегодня возникло предчувствие... А под ночнушкой ничего. И Дима очень быстро в этом убедился.

Он уложил ее на кровать, она помогла ему снять пиджак и рубашку. Ее колотило изнутри – так не терпелось объяснить, как сильно она соскучилась по его ласке. Объяснить без слов... И он хотел того же. Их желания сошлись в точке соприкосновения тел.

– Там кофе, – пробормотала она.

Но Дима очень быстро заставил ее забыть обо всем – о сестре, о кофе и об Иване, который вот-вот должен был позвонить...

Машина сгорела дотла. Сначала ее угнали, а когда она сломалась, облили бензином и подожгли. Старая машина, «Волга» двадцать четвертой модели. И хозяин у нее старый. Семьдесят шесть лет старику, бедный, еле ходит. Машина для него – единственная радость в жизни. А какие-то сволочи на нее посягнули. У старика на нервной почве случился приступ, «Скорая» забрала его в больницу, врачи с трудом восстановили сердечный ритм.

Старик в больнице, а подонков, которые обокрали его, ищет Юра Плошников. Тут и гражданский долг, и служебный. Полиция, уголовный розыск, оперуполномоченный, старший лейтенант...

Для чего преступники сожгли машину? Куража ради? А может, они пытались замести следы? Если так, то их можно поздравить – задумка не удалась. Машина сильно обгорела как изнутри, так и снаружи, но на обратной стороне крышки перчаточного ящика эксперт обнаружил четкий отпечаток пальца.

Артем Никонов имел привод в позапрошлом году. Он тогда спьяну, рисуясь перед друзьями, запрыгнул на крышу припаркованного к дому автомобиля и станцевал. Мимо проезжал наряд, хулигана задержали, оформили, но привлекать не стали. Родители заплатили владельцу машины, и дело замяли. А пальчики остались. И сегодня они проявились... Такой вот у Артема вектор развития – от танцев на крыше чужой машины до угона с поджогом. И тут уже родители не помогут. И адвокат вряд ли сможет выхлопотать условный срок... Впрочем, о сроке наказания пусть думает судья, а опер Юра Плошников должен всего лишь найти и задержать преступника.

И он уже у цели. Улица Щорса, дом шестьдесят один. Собака во дворе лает, со двора доносятся голоса – парни гогочут, девчонки смеются. В зазор между воротами и опорным столбом Юра увидел молодых людей – стоят кружком у крыльца, курят. У одного в руке бутылка. Веселится молодежь. Именно в этом состоянии она и опасна для общества. В состоянии, когда любая беда воспринимается как шутка. В таком состоянии люди непредсказуемы. И как быть, если с Плошниковым только один человек? Лейтенант Миша Старостин – парень крупный, крепкий, к тому же знатный самбист. И оружие у них боевое. Но ребят во дворе много, человек пять. И еще девчонки, у которых тоже в головах мишура.

– Олежик, а иди-ка ты знаешь куда! – донеслось до слуха старлея.

Кто такой Олежик, и почему его посылают, все равно. Главное имя.

Подмигнув Мише, Плошников постучал в ворота. Толпа на мгновение стихла.

– Кто там? – раздался гнусавый голос.

– Олег там? – крикнул Плошников.

Он мог назвать имя Артем, но это наверняка насторожило бы толпу.

Ворота поехали в сторону, Плошников и Старостин зашли во двор. Они в штатском, пистолетов под куртками не видно. А куртки распахнуты: по-другому никак нельзя.

– Парни, вы кто такие? – спросил узконосый верзила.

– Да нам Олег нужен...

– Я Олег.

Плошников вспомнил своего начальника – майора Табачного. Юра очень уважал Платона Александровича, но и боялся его. И еще он хотел выслужиться перед ним. Поэтому старлей не стал вызывать спецназ, а сам вышел на задержание.

– Я от Платона.

– От какого Платона? – спросил Олежик.

Наконец Плошников заметил знакомое лицо. Артем Никонов стоял неподалеку, обнимая за плечи девушку, как показалось Юре, очень даже красивую. Свет на нее не падал, и Юра мог различить только контур ее головы, овал лица и глаза, которые светились внутренним и отраженным светом. У нее могли быть неправильные черты, уродливый нос, вывернутые, как

у негритянки, губы, но Юра так почему-то не думал. Да и о самой девушке он подумал только вскользь. Все внимание – на Никонова. Парень он высокий, крепкий – сладить с ним будет непросто.

– Артем знает, – Плошников кивнул в сторону Никонова.

– Кого я знаю? – удивленно пробасил Артем.

Он отстранил девушку, шагнул к Юре. Друзья расступились, освобождая проход.

– Он в машине у нас... – Плошников подался назад, увлекая парня за собой.

– Кто в машине?

– Платон... Платон! – крикнул Юра, заманивая Артема.

Никонов сначала повелся, но у ворот остановился.

– Что-то я не понял! Какой Платон?.. Вы кто такие? – Он резко шагнул к Юре, но за спиной у него возник Старостин.

Миша схватил парня за плечо, ударил по ногам, руками придав телу нужный вектор вращения. И когда Никонов упал на живот, ловко заломил ему руки за спину. И наручники достал быстро.

– Эй, что за дела! – взревел Олежик.

Но Старостин уже достал пистолет.

– Стоять, полиция! Уголовный розыск!

По большому счету нужно было задержать всех парней, кто находился в компании Никонова. Наверняка кто-то из них участвовал в угоне и поджоге машины. Но доказательства у Плошникова были только на одного участника, его и задержали. А остальных еще предстоит выявлять. И очень хорошо, если толпа не разбежится...

– Стоять!

Но парни вдруг рванули кто куда. Плошников не удержался от соблазна и выстрелил в воздух. Но предупредительный выстрел лишь ускорил процесс. Парни один за другим огибали дом, скрываясь в кустах. Юра понимал, что бежать за ними бесполезно. А тут еще и девушка встала у него на пути. Та самая, которую он посчитал красавицей. И не ошибся. Она действительно была привлекательной. И глаза у нее невероятные...

– Отпустите Артема! – сказала она, надвигаясь на Плошникова.

– Нельзя.

– Отпусти, я сказала! – Она шагнула вперед, но ствол пистолета уперся ей в грудь.

– Ты что, дура? – Юра в страхе отдернул руку.

Пистолет заряжен, после первого выстрела свободный ход у спускового крючка никакой – одно легкое движение пальцем, и все.

– Сам дурак! Отпусти Артема! – Девушка толкнула Юру в грудь, он едва удержался на ногах.

– Будь мужиком! – Старостин тряхнул за плечо стоящего на ногах Никонова.

Парень понял все правильно.

– Женя, не надо! – крикнул он.

– Пошли! – Старостин вытолкнул задержанного со двора.

Плошников посмотрел на Женю, на девчонок, которые сбились в кучку за ее спиной. Он и хотел бы здесь остаться, но не мог. Во-первых, не ко двору он здесь. А во-вторых, беглецов нужно искать в другом месте.

– Эй, скажите своим охламонам, что явка с повинной будет в самый раз. Пока Никонов не раскололся. Потом будет поздно.

– Сам ты охламон! – сказала Женя, с ожесточением глядя ему в глаза. – И Артем не расколется!

– Ну, это мы посмотрим, – усмехнулся Юра.

– Посмотрим!

Машина стояла напротив соседнего дома. Женя пошла за Плошниковым. И ему стало немного не по себе. Девушка она, конечно, красивая, но ему от этого не станет легче, если она вдруг ударит его в спину. Возможно, ножом... Девчонка она бедовая.

Он оглянулся на ходу, и этим вызвал насмешку.

– Не бойся, я не кусаюсь!

– Шла бы ты домой!

– Я не здесь живу...

– Вот и шла бы.

– До центра подвезешь?

Юра остановился, развернулся лицом к Жене.

– А ты нахальная! – В его голосе звучало восхищение и осуждение одновременно.

– Какая есть.

– На «Волге» каталась?

– На какой «Волге»?

– Которую твой Артем сжег.

– Какую «Волгу» он сжег? Что ты сочиняешь?

– Старую «Волгу». Угнал и сжег. У владельца чуть инфаркт не случился. Старик сейчас в больнице.

– Старик?

– Семьдесят шесть лет.

– И Артем сжег его машину?

– Предположительно.

– Если предположительно, то уверенности нет?

– Девушка, вы меня задерживаете! – Юра выразительно посмотрел на свой «Поло».

Ехать ему нужно, задержанного к месту доставить, пока ничего не случилось. Женя все поняла, рассеянно кивнула, повернулась к нему спиной и направилась к дому. И так вдруг захотелось ее остановить, посадить в машину, отвезти домой. Но Плошников отогнал искушение. Не тот сейчас случай, когда можно смешивать личное со служебным.

Глава 3

Снег с тротуара счищен, хрустеть под ногами нечему. Вика увлечена разговором со своим воздыхателем, тот сейчас ничего вокруг себя не замечает. Дима подходил к ним незаметно.

– Леня! Я уважаю твои чувства, но я тебя не люблю. Не люблю!..

– А кого ты любишь? Этого?.. Так он бросит тебя и уйдет к любовнице...

Леня хотел сказать что-то еще, но Дима схватил его за шиворот:

– А вот не уйду я к любовнице!

Он понял, кого любит Вика. И еще он только что узнал, кто настучал на него жене. Этот кретин выследил Диму и сдал его Вике – в надежде, что та его бросит.

– И с женой буду жить в любви и согласии! Назло...

Дима не договорил. Сильный удар в челюсть сбил его с ног. Пока он поднимался, Леня успел отбежать шагов на двадцать.

Дима бросился было его догонять, но голова закружилась, тело повело в сторону. И если бы не Вика, он бы упал на спину. А так просто сел на задницу.

– Вот урод! – возмущенно протянул Дима, поднимаясь.

– Ты откуда взялся? – спросила Вика, удивленно и подозрительно глядя на мужа.

– А ты что здесь делаешь?

...На этот раз некто Леня появился в час дня. Вика только что подъехала к школе, а он уже караулил ее у бюста Чайковского. Диме даже ждать не пришлось, когда появится соперник.

А ждал он этой встречи почти неделю. Каждый день в полдень подъезжал к школе, заступал на пост... Утром на работу – подводил итоги, ставил задачи, к обеду – к школе. Следил, высматривал, а вечером вознаграждал себя за бездарно проведенный день. Вика ехала домой, а он отправлялся к ее бывшей подруге. И пил с ней кофе. После потрясного траха. Он получал удовольствие, а заодно наказывал жену за возможную измену. И за холодный прием, который она оказывала ему дома. Вернее, не оказывала...

Бойкот продолжался, и это очень злило Диму. И вдохновляло на слежку. Как ему хотелось поймать жену на горячем!..

Но Вика вопреки ожиданиям мужа не прокололась. Она дала отпор своему воздыхателю. Он своими ушами это слышал. И ничуть не расстроился. Хотя и восторга не было. Вика должна была сказать ему о проблеме в своей личной жизни, тогда бы Дима подсказал ей, как правильно себя вести. Или это для нее не проблема?..

– Как что я здесь делаю? На работу иду!

– А в понедельник что здесь делала? Светку в классе оставила, а сама к этому козлу!..

– Ты что, следишь за мной?

– А ты?! Или тебе этот урод на меня накапал?

– Ты за мной следишь, – качая головой, с осуждением в голосе сказала Вика.

– Да вот интересно стало!

– Ты думаешь, что я такая же сволочь, как и ты?

– Я не сволочь!

– А кто ты?

– Ты лучше скажи, кто он, этот Леня? Откуда он взялся?

– А откуда ты для своей Кати взялся? Вот и он оттуда же!.. Только Катя твоя шлюхой оказалась, а я женщина порядочная! – Вика с удовольствием выплеснула на Диму свое внутреннее ликование.

– Шлюхой?!

– Твоя Катя, – кивнула она.

– А ты нет?

– Ну, если ты так считаешь – пожалуйста! Думай, что хочешь, только вслух не говори.
– Да нет, не думаю... Поехали домой! – Дима вдруг до ноющего спазма захотел свою жену – такую красивую, роскошную и недоступную.
– У меня работа, – сдерживая улыбку, сказала она.
– К черту!
– Ну нет... И Свету нужно из садика забрать...
– Янина съездит, заберет...
– Вечером... – Вика мягко накрыла его запястье своей ладонью. – Вечером поговорим.
Он понял, на какой разговор она соглашалась, и от возбуждения весь завибрировал внутри.

– Ну, хорошо... – выдавил он.

Действительно, ему надо в Крюково, проехать по хозяйству. А оно у него большое – только под сахарную свеклу сотни гектаров! А сколько техники! И всю ее нужно подготовить к посевной... Один завод чего стоил...

– Можешь пока к своей Кате съездить, – сказала Вика.

Улыбка не сходила с ее губ. И в глазах остался задорный блеск. Только вот голос от напряжения немного как будто ужался.

– К Кате? – Он с подозрением глянул на нее.

– Ну, может, у тебя еще любовница есть, – усмехнулась Вика.

– Ты знаешь?

– Значит, есть? – Ее голос сорвался от сарказма.

– Э-э... – на мгновение замялся Дима. – Я про Катю...

Что, если Вика узнала еще и про Риту? Мало ли, вдруг бывшая подружка позвонила... А Рита действительно могла похвастаться своей победой. Назло Вике...

– Мне все равно, к кому ты поедешь. – Вика смотрела Диме в глаза так, будто пыталась разглядеть в них правду.

А вдруг она уже за что-то там зацепилась?.. Дима решил на контрприем.

– Не все равно! – Он тоже умел смотреть пристально, проникновенно, глубоко. И даже завораживающе. – Я знаю, что Катя тебя злит... Ты должна в этом признаться!

И Вика под его взглядом поплыла.

– Признаюсь, – растерянно кивнула она.

– И ты не хочешь, чтобы я ехал к Кате.

– Не хочу.

– А больше никого у меня нет.

– Никого.

– Ну, все... – Дима облегченно вздохнул и для закрепления своей победы поцеловал жену в губы.

Она закрыла глаза, расслабилась, но поцелуй был недолгим. Дима отстранил Вику. Но когда она отошла от него на несколько шагов, он окликнул ее и снова предложил отправиться домой. Вика отказалась и в этот раз, но теперь в ее голосе отчетливо слышались нотки сомнения. Один легкий нажим с его стороны, и Вика упала бы в его объятия.

Но Дима отпустил жену. Ему действительно нужно было ехать по делам.

Иван ждал ее на улице. Холодно, мороз, а ему все нипочем. Стоит, улыбается, в руке букет алых роз. Высокий, статный, можно даже сказать – красивый.

– Эх! – Марина Игоревна завистливо улыбнулась и, помахав Рите ручкой, пошла дальше одна.

А Рита направилась к Ивану. Ей действительно можно было позавидовать. Иван успешный человек, интересный мужчина. И даже странно, почему она не любит его... И уже никогда не полюбит. Потому что у нее есть Дима.

Дима не собирался разводиться с женой, но Рита была согласна и на статус любовницы. Он будет приезжать к ней по вечерам – на час-другой, но для нее это лучше, чем жить с Иваном... Да, она дура. Причем полная. Но любовь зла...

– Приехал? – грустно улыбнулась она, подставляя щеку для поцелуя.

И цветы взяла неосторожно. Шипы укололи пальцы. Но разве это боль по сравнению с тем, что происходило сейчас у нее в душе? Она баба чокнутая, но честная, и потому не может обманывать Ивана. Они должны расстаться.

– Предлагаю взять отпуск и отправиться в жаркие страны – есть кокосы, жевать бананы, – весело сказал он.

– Извини, я не могу.

– Почему?

– Я люблю другого... Я тебе изменяла, пока ты был в командировке...

– А-а...

Иван, казалось, собирался сказать, что это не важно и он готов простить Риту, но его хватило только на «А». «Б» он не сказал. Повернулся к ней спиной и пошел прочь.

Рита в оцепенении смотрела ему вслед, слезы текли по ее щекам, морозный ветер тут же превращал их в льдинки.

Янина Сергеевна готовила отлично, но, как ни старалась она угодить хозяевам, у Вики все равно получалось лучше. Возможно, Диме так только казалось. Когда он был в ссоре с женой, он думал о своей экономке в превосходной степени, умаляя достоинства Вики. Шутка ли, однажды даже возникла мысль уложить Янину Сергеевну в постель, и не только назло жене.

Сейчас об этом завихрении не хотелось и думать. А блинчики, которые испекла Вика на завтрак, казались шедевром кулинарного искусства.

Ну и задали они вчера жару! Вечер примирения – с шампанским и зажженными свечами – закончился бурной постелью. И так хорошо ему было, что о Кате и думать не хотелось.

Сейчас он уже не был столь категоричен и совсем не прочь был навестить Катю, но возникал вопрос: а нужно ли ему это? Если он до сих пор «совмещал» жену и любовницу, то ему ничего не стоило переключиться на одну, отбросив другую. Почему бы не оставить только Вика? И семью... Семейку, которую он мог разрушить своими изменами. Мало ли, вдруг Вика со зла скажет Лене «да» и уедет с ним в номера... Одна эта мысль приводила в ужас.

– Хочешь, я отвезу Свету в садик? – спросил он.

Рабочий день у Вики начинался после полудня. Утром она провожала мужа на работу, отвозила дочку в детский садик и возвращалась домой. И никаких вопросов у Димы никогда не возникало. Хотя иногда и проскальзывало – а почему Янина Сергеевна не может отвезти Свету? Пятнадцать минут туда, пятнадцать обратно... Но у Янины и без того дел по горло. И Вика ее никогда не просила...

– Зачем?

– Ну, ты могла бы лишний часок в постели поваляться, – пожал он плечами.

– Хочешь, чтобы я обленилась и стала толстой? – улыбнулась Вика.

– Нет, не хочу.

– Поэтому я и не буду лениться. И Свету отвезу...

– Да я не против, – улыбнулся Дима.

Он поцеловал жену и дочь, сел в машину и выехал со двора.

За спиной уже осталось полпути, когда его вдруг осенило. А почему он начинал слезку за женой с полудня? Надо было ехать за ней утром. Вдруг она встречалась со своим Леной после того, как отвозила дочку в садик. Секс – оно такое дело, и пятнадцати минут хватит...

Дима остановил машину. Действительно, почему?

Но тут Дима, что называется, «включил мозги»: если Вика отшла Леной днем, то почему она должна была уступить утром? Где здесь логика?..

Катя позвонила сама.

– Привет, ты где? – спросила как ни в чем не бывало.

– Домой собираюсь.

Диму действительно тянуло домой, к жене. И в этом он не видел ничего удивительного.

Он хорошо помнил те времена, когда Вика бегала за ним. Он же всерьез к ней тогда не относился. А потом вдруг – как припекло. И с каждым годом потребность в ней только усиливалась. А после недавней встряски, которая закрепила его чувства к жене, необходимость в любовницах вдруг отпала. После встряски, которая бросила его в объятия давно забытой Риты. Как будто сам черт его за ребро дернул. До сих пор чувство вины держит в напряжении.

– А ко мне?

– Мы же расстались.

– Ну ладно тебе! – хныкающим голосом протянула Катя.

– Что ладно?

– Поигрались, и будет.

– Я тебя не понимаю.

– Ну, это же игра была... Твоя взяла!

– А в чем цель игры?

– Ну-у...

– Я не уйду от жены.

– Э-э... И не надо...

– Как там твой Миша поживает? – язвительно спросил он.

– Какой Миша? – заканючила Катя. – Не было никакого Миши...

– Не было?

– Ну, то есть был... Я же знала, что ты за мной следишь, поэтому и шла с ним...

– Знала?

– Ну, догадывалась... Извини, что так получилось! – Катя изнывала от нетерпения, как маленькая девочка в ожидании подарка.

– Даже не знаю, – задумался Дима.

Он только что хотел послать Катю далеко и надолго, но вдруг захотелось лично принять извинения во всех формах. И территория для этого была. Полчаса, и он на месте.

А вдруг Вика узнает? Он больше не хотел испытывать судьбу.

– Давай завтра... Утром...

– Почему утром?

– Я подъеду к институту, ключи от дома и от машины отдам...

Он прекрасно понимал, что Катя не вернет ему подарки добровольно. Суд он точно проиграет, а нанимать бандитов или еще кого-то, чтобы решить проблему, Дима не собирался. Оставалось только вернуть ключи...

– Мне нужно тебе что-то сказать.

– Вот и скажешь...

– Ты не хочешь со мной говорить?

– Я занят.

– Ты меня бросаешь?

Дима кивнул. Да, он бросал Катю. И навсегда возвращался к жене.

– Размечталась!

– Не бросай меня, пожалуйста!

– Завтра поговорим.

Он нажал «сброс» и оборвал разговор.

Да, он действительно хотел порвать с Катей. Но как на это решиться? Он и дом ей подарил, и машину. Если она почувствует волю, в ее жизни тут же появится какой-нибудь Вадим... Нет, пусть живет под напряжением, с ощущением вины. Пусть живет и ждет, когда Дима соизволит снизойти до нее... В принципе, можно себе позволить такое два-три раза в месяц... Ну, один-два...

Дима в раздумье вышел из кабинета, спустился во двор, сел в машину.

С любовницами пора завязывать. И еще неплохо было бы водителя завести – для солидности. Телохранитель бы тоже не помешал... В конце концов, пора становиться взрослым на все сто.

Когда он выехал со двора, сумерки только начинали сгущаться. Поэтому он и заметил за воротами Риту. Она стояла и смотрела на его машину глазами брошенной собаки. Проехать мимо Дима не смог, остановился, сдал назад. Но из машины выходить не стал, она сама открыла дверь, села.

– У тебя не отвечает телефон, – без претензий, даже с чувством вины сказала она.

– Я его потерял, – соврал он. – Видно, из машины выпал, под колесо. У меня уже так было...

На самом деле он просто выбросил симку, чтобы Рита ему не звонила. Если Катя еще под вопросом, то с Ритой точно все закончено.

– Да, было, – кивнула она. – Однажды ты уже бросал меня...

– Ты думала, в этот раз будет иначе?

– Надеялась, – голос ее дрогнул.

– Я тоже надеялся, но...

– Что – но?

– Вика узнала, был скандал. А у нас дочь... Ты должна меня понять.

– Ты мог бы приезжать ко мне... Иногда...

– Ну, может быть.

– Ты не приедешь. Я знаю. Ты снова бросил меня.

– Не бросил. Оставил. Обстоятельства того требуют, – трагическим голосом сказал он.

– Какая же ты скотина! – зло глянула на него Рита.

Дима обреченно вздохнул. Началось!

– Я из-за тебя с хорошим человеком рассталась!

– Зачем?

– Я изменяла ему. Я не могла его обманывать.

– И я не могу обманывать свою жену... Чем ты лучше меня?

– Я не лучше!.. Я хуже!.. – Рита закрыла лицо ладонями и разрыдалась.

Он посмотрел на нее, как на стакан с горькой микстурой, которую нужно выпить до дна. Через силу, на остатках терпения, но до конца.

Рита перестала плакать, опустила руки, положила их на колени. Она молчала, невидяще глядя в окно. И он ничего не говорил, чтобы не провоцировать ее. Зачем попусту тратить слова и сжигать эмоции, когда все ясно? Да, она красивая женщина, с ней было чудесно, но все это в прошлом.

– Я встречалась с Иваном, когда появился ты. Я бросила его ради тебя, – все так же отрешенно глядя в окно, монотонным голосом проговорила она. – Он ушел, женился. Потом развелся, вернулся ко мне. Я встречалась с ним, когда ты появился снова. И он снова ушел...

– Не надо было ему говорить...

– Не надо было меня бросать! – отрезала она.

– Ты же должна была понимать, что это все несерьезно... Ты хорошо знаешь меня...

– Знаю. И понимаю...

– Мы оба виноваты в том, что произошло.

Дима готов был взять на себя часть вины, лишь бы Рита успокоилась.

– Ты виноват!

– Ну, может быть.

– Ты сломал мне жизнь!

Дима внимательно посмотрел на нее. Неужели все так серьезно?.. Судя по ее виду, похоже на то... Как бы в петлю баба не полезла...

– Прости!

Он действительно готов был раскаяться, лишь бы Рита благополучно пережила этот трагический момент.

Она долго смотрела на Диму, ничего не говоря. Потом вздохнула и отвернулась к окну.

Дима подвез ее до дома, вышел из машины, открыл дверь. Рита оперлась на его руку.

– Зайдешь ко мне?

– Мне уже пора, – оттянув левый рукав, он выразительно посмотрел на часы.

– Ненадолго. Выпьешь кофе, и все.

– И все?

Он не хотел чего-то большего. Не было настроения. И кофе он мог попить дома.

– Мне так нужно.

– Зачем?

– Если ты меня бросаешь, оставь хотя бы иллюзию...

– Иллюзию чего?

– Как будто ты со мной...

– Я с тобой, – кивнул он и повел Риту в дом.

Она точно не в себе, как бы чего не вышло. Четвертый этаж – это высота, с которой можно свернуть себе шею.

Он уже переступал порог, когда его вдруг пронзила страшная мысль. Что, если Рита заманила его в ловушку? Сейчас появится Иван и начнется...

В квартире было тихо и темно. Рита включила светильник в прихожей, он помог ей снять пальто, но сам раздеваться не спешил. Она прошла на кухню, он – в спальню. Зажег люстру. Никого. И в гостиной – ни души.

Рита стояла у раковины и молча смотрела в пустоту. Вода из крана лилась в переполненную турку.

– Давай я сам.

Рита кивнула. Он забрал у нее турку, вылил воду. Рита вышла из комнаты. Вышла и пропала. В ванной.

Дима в очередной раз ставил турку на огонь, когда Рита вышла из ванны. Он обернулся на звук и слегка обалдел. Она стояла перед ним без ничего. Волосы распущены, глаза и губы ярко накрашены, плечи расправлены, грудь приподнята... А грудь у нее и без того высокая и упругая, как у всякой молодой и бездетной женщины. Талия тонкая, бедра тугие, в меру широкие...

– Ты еще не уехал? – спросила она.

– А нужно было?

Рита пропустила вопрос мимо ушей. Она подошла к нему, обвила руками шею и смело посмотрела в глаза.

– Я знаю, что веду себя как последняя шлюха...

– Нет, просто ты любишь меня. – Он готов был оправдать ее в благодарность за столь смелую и эффектную выходку.

– И всегда буду любить.

– Ты меня не испугаешь, – усмехнулся он.

– И ты должен меня любить!

Она сняла с него пиджак, рубашку. Дима позволил оставить себя без штанов. Она усадила его на стул, села к нему на колени...

– Мы всегда будем вместе!

Их желания уже вошли в резонанс, когда Рита вдруг схватила лежавший на столе нож и двумя руками сверху вниз вдавила острие в его шейную мышцу. Дима понял, что это все...

А ведь он догадывался, что Рита сходит с ума...

Глава 4

Голова гудела, как неоновая лампа на фонарном столбе. Во рту гуляли пустынные сухо-вей. А еще майор Платон Табачный имел представление о том, как пахнет смешанная с песком верблюжья моча. Но раскаяния в содеянном не было – повод вчера был действительно ува-жительный. Шутка ли, он возглавил криминальную полицию и стал заместителем начальника городского УВД. Не за горами очередная звезда на погоны...

Но как бы ни болела голова, работать надо. Родной уголовный розыск так и остался в его подчинении, а там завал. Утешало одно: за прошлые сутки ни одного убийства. За первые сутки в новой должности. Хороший знак.

Но покушение на убийство было. Пострадавший в больнице, в тяжелом состоянии. Лич-ность установлена, но где он получил ранение, пока не понятно...

– Возможно, в машине ножом ударили... – пожал плечами Егор Патрикеев. – Но это вряд ли...

– Почему?

– Нож вошел под шею с левой стороны. Если бы он вошел под углом от шеи к сердцу, тогда бы его могли ударить справа. Или сзади. А так получается, что его ударили слева, со стороны водительского окна.

– Может, в открытое окно?

– Картину составить надо, посмотреть...

– Сам потерпевший что говорит?

– Пока ничего. От наркоза еще не отошел.

– Куда?

– Ну, в мир иной отходить ему еще рано, тридцать четыре года всего.

– Молодой.

– Генеральный директор Крюковского сахарного завода. Кривичев Дмитрий Валерьяно-вич.

– Это серьезно.

– Возможно, кто-то его заказал.

– Или попытка ограбления... Вышел из машины, на него напали, ударили ножом, но убить не смогли. Кривичев сумел сесть за руль и уехать...

– А потеряв сознание, врезался в столб... – кивнул Патрикеев. – И как далеко он уехал?

– С камерами поработай, может, что-то найдешь...

– Да, конечно.

– Значит, от наркоза, говоришь, не отошел, – Табачный поднялся со своего места.

Генеральный директор сахарного завода сам по себе личность заметная, возможно, поку-шение на его жизнь, а тем более убийство вызовет общественный резонанс. И тогда со всех сторон посыплются вопросы, на которые нужно будет иметь четкий ответ. Табачный решил сам отправиться в больницу и, по возможности, поговорить с потерпевшим.

Стабильно тяжелое состояние... Звучит примерно как «здоровый покойник». Все нор-мально, только один пустяк портит общую, в общем-то, благополучную картину. Сердце не бьется, а так все хорошо, прекрасная маркиза...

А маркиза, которой сказали о стабильном состоянии мужа, действительно прекрасная. Во всяком случае, на внешность. Но как там, в душе, не ясно?..

– Поверьте, мы сделали все, что в наших силах. Операция прошла успешно, все теперь зависит от организма и... – врач поднял глаза, выразительно глянув на потолок.

– Но шансы есть? – бледная как полотно спросила Кривичева.

Судя по ее виду, она очень переживала за мужа. Но женщины – актрисы от природы, вопрос лишь в том, в какой степени развит талант. Возможно, перед ним гениальная актриса.

– Шансы есть, – кивнул врач. – Будем надеяться... Извините, мне нужно идти.

Он ушел, а Кривичева осталась в холле перед реанимационной. Табачный подошел к женщине.

– Кто там у вас, муж? – спросил он, кивком головы показав на дверь.

Женщина неприязненно глянула на него и отвернулась к окну. И носик брезгливо наморщила.

Ее можно понять. Вид у оперативника сегодня неважный, и мускатным орехом прет подозрительно сильно.

– Извините, я вчера немного перебрал...

Женщина пожала плечами. Ей не было до него никакого дела, и все равно, что там было с ним вчера.

– Должность новую обмывали... Заместитель начальника ГУВД майор Табачный.

Кривичева обернулась, взгляд ее немного потеплел.

– Так бы и сказали, что из полиции.

– Так и говорю... Понимаете, вчера первый день в новой должности, а тут с вашим мужем происшествие. Может, это смешно звучит, но для меня случившееся – как знак на будущее. Или я раскрываю это дело, или больше не расту...

– Ну почему же смешно? Нет, не смешно. – Она глянула на него без тени иронии.

– Вы согласились с тем, что гражданин Кривичев – ваш муж.

– Да, я его жена. Кривичева Виктория Денисовна.

– А то мало ли, вдруг любовница... – Табачный нарочно изображал простака.

Это у него называлось тактикой дуракаваляния. Собеседник должен был получить чувство легкого превосходства над ним, настроиться на снисходительное общение. Тогда острые вопросы и каверзные замечания будут восприниматься как глупые шутки, на которые не стоит обижаться...

– Любовница? – нахмурилась женщина.

– Я уже здесь давно, никого, кроме вас, не было... – совершенно серьезно сказал он. –

Или у вашего мужа нет любовницы?

– Ну, знаете!.. – Вика попыталась возразить, но волна возмущения захлестнула ее.

– Так есть или нет? – наседал Табачный.

– Нет у Димы любовницы!

– Вы в этом уверены?

– Мне кажется, вы превышаете свои служебные полномочия!

– Виктория Денисовна, ну что вы так нервничаете? – Он сделал движение, будто собирался взять ее за руку.

Для этого нужно было приблизиться к женщине как минимум на два шага, но Платон на это не решился.

– Мы же с вами на одной стороне, мы должны друг друга понимать... Или вы не хотите, чтобы мы нашли преступника?

– Как это не хочу? Хочу!.. С чего вы взяли, что не хочу?

– У меня есть глаза, Виктория Денисовна. И уши, – мило улыбнулся Табачный. – Я смотрю на вас, слушаю и делаю выводы... Может, вам лучше не подавать поводов для неправильных выводов?

– Это вы верно заметили, выводы у вас неправильные, – сказала она, пытаясь подавить в себе возмущение. – Конечно же, я хочу найти преступника... А насчет любовницы... Дима мог от меня скрывать, что у него есть любовница... Просто я не понимаю, почему вас интересует этот вопрос?

– Может, потому, что ваш муж поступил в больницу поздно вечером, в начале одиннадцатого. Когда он обычно возвращается домой?

– Ну, когда как... Когда рано, когда поздно...

– Поздно, это когда задерживается на работе?

– Да, на работе...

– Мы, конечно, узнаем, когда ваш муж отправился домой с работы...

– Это не трудно, – кивнула Кривичева. – Я могу позвонить секретарше...

– Ну, если мы с вами в одной лодке, то почему бы и нет? – благодушно улыбнулся Табачный.

– Хорошо.

Кривичева достала из сумочки айфон, набрала номер.

– Василиса Олеговна?.. Да, это я... Когда Дима уехал с работы?.. Без пятнадцати шесть?..

Потом, потом!..

Она отключила телефон, опустила его в сумочку.

– Дима уехал в семнадцать сорок пять, – в раздумье сказала она.

– А в больницу попал в двадцать два десять... Может, он заезжал домой?

– Нет, не было его.

– А что будет потом?

– Когда потом? – не поняла Кривичева.

– Ну, вы сказали секретарше – потом, потом.

– А-а, это... Василиса спрашивала про Диму. На заводе уже знают...

– Ну, позвоните, скажите.

Табачный зевнул в кулак и направился из холла. Через коридор хирургического отделения он вышел на лестничную площадку, там достал телефон и позвонил Патрикееву. Егор приятно его удивил. Оказывается, он уже отправил Плошникову на завод.

– Позвони Юре, пусть узнает, с кем Кривичев уезжал с работы. Вдруг с любовницей?

– Ну, завод большой, девушек много, – усмехнулся в трубку Патрикеев.

– Работай.

Табачный услышал цокот каблучков. По лестнице поднималась светловолосая девушка в белом халате внакидку. На ее сапогах были бахилы, но цокот острых каблучков они заглушить не могли.

Роскошные волосы, красивые светло-серые глаза на смазливеньком личике, фигурка... Блондинка прошла мимо, даже не взглянув на Табачного. Прошла, обдав запахом дорогих духов...

Девушка явно спешила. Возможно, ей хотелось поскорей увидеться с Кривичевым. Или узнать о нем. Табачному в любом случае нужно было возвращаться к реанимационной. Виктория Денисовна уже передохнула, собралась с мыслями, можно будет продолжить с ней разговор. Заодно посмотреть, какие выводы она для себя сделала...

Блондинка процокала до холла, в котором стояла Кривичева. И Табачный услышал знакомый голос.

– Ты? – недовольно спросила Виктория Денисовна.

– Извини, я не знала, что ты здесь... – заметно смутилась блондинка.

Табачный задержался в коридоре за стеклянной дверью.

– А где я должна быть, как не здесь? – возмущенно спросила Кривичева.

– Ну-у... Как Дима?

– Плохо!

– Что с ним?.. Говорят, он в аварию попал...

– Я тебе потом все расскажу. Давай встретимся. Где-нибудь. Здесь тебя не должны видеть, – Кривичева перешла на полупшепот.

- Почему?
- Я не хочу, чтобы имя моего мужа было опорочено.
- Да ладно тебе!
- Не ладно... Хочешь получить ключи от квартиры и машины?
- Ну, я и так их получу. Но если ты предлагаешь встретиться...
- Да, сегодня, в семнадцать, в кафе «Резидент».

Блондинка вышла из холла в коридор, походя скользнув взглядом по Табачному. Он последовал за ней. У майора возникли вопросы, ответы на которые он хотел получить.

Немолодая, приятной наружности женщина с высокой прической поднялась из-за стола, когда Юра зашел в приемную. Ей уже сообщили, что пришли из полиции.

- Как там Дмитрий Валерьянович? – спросила она, зачем-то приложив ладонь к уху. Или со слухом у нее плохо, или мимо ушей не должно пролететь ни единого слова.
- В больнице Дмитрий Валерьянович. С ножевым ранением.

Это была вся информация, которой располагал Плошников о потерпевшем. Он даже не знал, в каком состоянии находится сейчас Кривичев. У него своих дел невпроворот, но раз начальник поставил задачу, нужно исполнять.

- И кто ж его так?
- Если бы мы знали, меня бы здесь не было... Скажите, в какое время Дмитрий Валерьянович закончил вчера рабочий день?
- В семнадцать сорок пять, – четко ответила женщина.
- А когда уехал?
- Сразу же и уехал.
- С кем?
- Сам.
- А водитель?
- У него нет водителя...
- То есть в машине он был один?
- Ну, когда выезжал, да. А за воротами к нему подседа какая-то женщина... Я узнавала, мне сказали... – Секретарша гордо расправила плечи.
- Кто сказал?
- Вахтер с проходной.
- А что за женщина?
- Не знаю, но есть запись с видеокамеры...

Плошников деловито кивнул. Сначала нужно получить изображение незнакомки, а потом уже продолжить разговор...

Блондинка пешком вышла за больничные ворота, но направилась не к автобусной остановке, а к машинам, которые вереницей стояли вдоль забора.

Табачный не спешил ее останавливать. Она подошла к серебристому «Фокусу» с одной стороны, а он с другой. Она села, ничего не сказав водителю, майор встал, преграждая машине дорогу. Достал корочки, раскрыл их, постучал в окно.

- Заместитель начальника ГУВД майор полиции Табачный. Ваши документы.
- А что я нарушил?

Лет двадцать пять парню. Лицо широкое, черты крупные, грубоватые. Волосы вихрастые. Машина у него далеко не первой молодости, куртка несолидная... Одним словом, девушка, которая сидела рядом, была для него слишком хороша.

- Проверка документов.

- А на каком основании?
- Вызвать наряд? – Табачный полез в карман за телефоном.

Парень пожал плечами, вынул из кармана куртки портмоне, извлек права, техпаспорт, протянул в окно.

Табачный пробежал документы взглядом. Сипачев Вадим Антонович, восемьдесят девятого года рождения... Машина зарегистрирована на него. Права и техпаспорт выданы в Междуреченске.

- Ваша девушка? – спросил он, взглядом показав на блондинку.
 - Ну, моя...
 - А в чем, собственно, дело? – спросила она, недовольно глядя на полицейского.
- Платон обошел машину, открыл дверь с ее стороны. И удивленно спросил:
- А вы не знаете, что произошло с Кривичевым Дмитрием Валерьяновичем?
 - Ну-у... – замялась она. – Так вы по этому делу?
 - Выйдем поговорим?
 - А есть о чем?
 - А вы как думаете?
 - Ну, я-то здесь ни при чем...
 - А вас кто-то в чем-то обвиняет?

Девушка вздохнула, вышла из машины.

- Как вас зовут?
- Катя.
- Катя, Катя... Так и есть... Ваш парень знает, в каких отношениях вы состоите с Кривичевым?
- Мой парень?!
- А разве нет?
- Ну, Вадик просто знакомый...
- Но в отношениях с Кривичевым вы состоите?
- Ну, в общем, да... – глянув куда-то в сторону, смущенно сказала девушка.
- И жена Кривичева об этом знает?
- Узнала.
- И забрала ключи от дома и машины?
- Нет, я сама отдала их Диме... Мы решили расстаться, и я ему все вернула...
- А почему вы решили расстаться?
- Ну, он захотел вернуться к жене...
- Когда вы встречались с Кривичевым в последний раз?
- Ну, с тех пор как расстались, ни разу... Я ему вчера звонила... Хотела с ним помириться...
- Когда вы ему звонили?
- Ну, вечером, после пяти...
- Вы хотели с ним помириться?
- Да, я же сказала...
- Ваш парень слышал этот разговор?
- Вадим?! Так он не мой парень... просто друг...
- То есть он вас несколько не ревнует к вашему любовнику?
- Ну-у... – замялась Катя. – Может, и ревнует...
- Где он находился вчера вечером в период между двадцатью и двадцатью двумя часами?
- Со мной...
- А где находились вы?
- Ну-у... – Катя осеклась, покраснела, опустила голову.

- Стыдиться и каяться вы будете потом, когда с вас снимут подозрения.
 - Подозрения?
 - Катя, все очень серьезно. Произошло покушение на убийство, и вы в числе подозреваемых... Вы это понимаете?
 - Мы катались с Вадимом на машине. Просто катались...
 - Кто может это подтвердить?
 - Э-э... Ну, мама его звонила, спрашивала...
 - И все?
 - А этого мало? – Катя очень хотела, чтобы Табачный развеял ее опасения, но он ничем не мог помочь.
 - А откуда вы узнали, что Кривичев попал в больницу?
 - Я позвонила ему на мобильный, мне сказали, что он в реанимации...
 - Кто сказал?
 - Ну, я не знаю...
 - Катя, мы проверим звонок. Если вы действительно звонили, хорошо. Если нет, лучше сознайтесь сразу...
 - Но мы с Вадимом ни в чем не виноваты!
- Табачный усмехнулся. Знала бы она, сколько раз он слышал эти слова. И сколько раз после таких заявлений майор убеждался в обратном.

Глава 5

Изображение было смутным, но лицо на снимке с видеокамеры читалось. И сразу стало ясно, что в машину к Кривичеву садилась не Катя.

– Кто такая, не узнал? – спросил Табачный.

– Нет, они не знают такую, – развел руками Плошников. – Всех, кого можно, опросил.

– Может, плохо опросил?

– Секретаршу я опросил хорошо. Уж если она ничего не знает...

– А что она знает? Может, кто-то угрожал Кривичеву? Может, с кем-то был конфликт на деловой почве?

– Да нет, не было ничего такого. Я с заместителем Кривичева говорил. Он тоже ничего такого не знает. Спокойно, говорит, все было. Ни с криминалом трений, ни с конкурентами...

– Давай по своему плану...

Табачный чувствовал, что собака зарыта в личной жизни Кривичева, в его отношениях со своими женщинами. Жена знала о существовании любовницы, и она могла отомстить мужу, наняв специалиста по мокрым делам. Парень его любовницы мог устранить своего соперника... А жена Кривичева знала о любовнице мужа. Знала, но не сдала. Почему?

Этот вопрос неплохо было бы выяснить у нее лично. Номер телефона у Платона был, но звонить он ей не стал.

Кафе «Резидент» находилось недалеко от управления, в двух кварталах – можно было дойти пешком, но майор отправился туда на машине.

Встреча была назначена на семнадцать, но Кривичева пришла на десять минут раньше. Табачный наблюдал за ней с безопасного расстояния и видел, что женщина нервничает.

Она ждала Катю, но девушка так и не появилась. В двадцать минут шестого Виктории Денисовне позвонили, она ответила и попросила счет за свой кофе. Официант принес ей книжечку с чеком, а Табачный «подал» себя.

– Вы?! – Она попыталась скрыть свое недовольство, но это у нее получилось плохо.

– Я так понимаю, вы уже уходите. Как же Катя получит ключи от дома и машины?

– Ключи от дома? – Кривичева в замешательстве глянула на него.

– Вы же Катю ждали?

– Все-то вы знаете.

– Работа такая... Это только кажется, что наша личная жизнь – тайна для всех. Тряхнешь постель, и посыплется белье из корзины. И хорошо, если это белье – чистое. А если грязное?.. Вот вы, Виктория... Вы говорили, что не знаете про любовниц мужа. А про Катю вы знали. Но не сказали. Почему?

– Зачем я буду порочить имя своего мужа?

– А у Кати есть парень, который, возможно, ее любит. Что, если это он пытался убить вашего мужа?

– Ну, я не знала... – смутилась Виктория. – А у нее есть парень?

– Да, и вы пытались это скрыть.

– Я пыталась?.. Да я ничего про него не знала!

– И я бы не узнал, если бы не случайность... Вы не сказали мне про Катю, и я не узнал бы про ее парня. Но случайность меня выручила, и я узнал.

– А это он пытался его убить?

– Ну, доказательств у нас пока нет...

– Вот же дрянь!..

Кривичева скорее обрадовалась, чем разозлилась. Но, в принципе, это можно было объяснить. Она понимала, что ее подозревают, а тут вдруг появился человек, на которого могут повесить всех собак, отсюда и чувство облегчения.

- Значит, все-таки у вашего мужа была любовница?
- Все-таки была.
- Ваш муж подарил ей дом, машину.
- Можно я поговорю с вами об этом, когда Дима придет в себя?
- Скажите, а он не мог отписать Кате свое состояние? – спросил Табачный.
- Свое состояние?! Кате?! – оторопело посмотрела на него Виктория. – С чего бы это?
- Ваш муж оставил завещание?
- Да, наверное... Не знаю...
- Так наверное или не знаете?
- Ну, он собирался...
- То есть вы не можете точно знать, что завод и все прочее отойдет по завещанию вам?
- Ну, если Дима подарил ей дом... – Виктория «зависла» от перенапряжения.

Табачный, глядя на нее, усмехнулся в ус. Может, Вика только сейчас и поняла, как сильно прокололась. Может, она думала, что по завещанию наследство мужа достанется ей, а тут вдруг появилась соперница, которую жена в расчет не брала.

- А этой женщине ваш муж ничего не мог оставить?

Он выложил на стол фотографию незнакомки, которая накануне села в машину Кривичева у заводских ворот.

- Рите?
- Вы ее знаете? – спросил Платон.
- Да, знаю... – Виктория в замешательстве смотрела на снимок.

Казалось, она винила себя в несдержанности. Видимо, она не должна была говорить о Рите, но проболталась. А слово не воробей...

- А почему Дима должен ей что-то оставить?
- Ваш муж вчера уехал с работы вместе с Ритой.
- Но Рита у него не работает...
- Не работает. Она поджидала его у ворот завода...
- И Дима уехал с ней?

Табачный кивнул, и Виктория закрыла лицо ладонями.

- Да что же это такое! То одна, то другая... Он же обещал!
- Что обещал?

Виктория хлопнула ладонью по столу:

- Он сказал, что с Катей все кончено.
- А с Ритой?
- Да я вообще про нее ничего не знала!
- Но ее-то вы знаете?
- Знаю. Это моя бывшая подруга... Из-за Димы бывшая... У них роман когда-то был, а

он ко мне ушел... Какая после этого дружба?

- Может, их роман продолжался – втайне от вас?
- Чего уж об этом говорить?... – вздохнула Кривичева.
- Значит, Рита?
- Рита. Гаева Маргарита... Маргарита Григорьевна.
- Вы знаете, где она живет?
- Знаю. Если она не сменила адрес...

Табачный кивнул. Именно это он и собирался проверить. И прямо сейчас. Раз уж занялся этим делом самолично, то и по адресу проедет сам.

Он долго жал на клавишу звонка, но дверь не открывали. Платон уже собирался уходить, когда вдруг щелкнул замок.

Дверь приоткрылась, и он увидел знакомое лицо. На снимке с видеокамеры изображение было плохим, неважным оно оказалось и в жизни. И виной тому было не внезапно испортившееся зрение Табачного, а само лицо – припухшее, помятое спросонья. И еще от женщины пахло перегаром... Видно, Рита накануне хорошо поддала. Если так, то – по какому поводу? С горя или с радости?..

– Маргарита Григорьевна? – строго спросил он.

– Маргарита Григорьевна, – кивнула женщина, настороженно глядя на него.

– Майор полиции Табачный. Уголовный розыск. У меня к вам несколько вопросов. Если есть желание, можете ответить на них сейчас. Если нет, ответите на них потом, но в управлении.

– Лучше сейчас.

Женщина распахнула дверь, рукой указала в глубь квартиры.

Платон переступил порог, осмотрелся. Он ожидал увидеть беспорядок, но в квартире было чисто. И сама хозяйка была в свежем, отглаженном халате. Волосы нечесаные, лицо помято, но впечатления запущенной неряхи она не производила.

Хозяйка провела майора на кухню, показала на стул. На столе чисто, в раковине пусто, пол вымыт. Но взгляд зацепился за бурое пятно на стене возле стула, на который Платону предлагалось сесть.

– Что это?

– А что это? – нахмурилась Гаева.

– Похоже на кровь... Кровь со стены смывали?

Стены на кухне крашенные, моющиеся, но, видно, кровь вьелась глубоко. Или вытирали плохо. Сразу не справились и оставили на потом.

– Кровь? – Гаева наморщила переносицу, пытаясь придумать оправдание.

Но, видимо, похмельная голова плохо соображала. Может, потому Рита и привела гостя на кухню, забыв о следах крови.

– Скажите, вчера вечером у вас был гражданин Кривичев?

– Дима?

– Вчера вечером вы сели к нему в машину, и он отвез вас домой.

– Да, отвез.

– Значит, он был здесь?

– Был.

– И это его кровь?

– Кровь?

– Маргарита Григорьевна, мы все знаем. Кривичев нам все рассказал.

– Заявление написал?

– Заявление.

Гаева тяжело вздохнула:

– Да, это его кровь...

– Вы ударили его ножом?

– Ну, не ударила...

– А что сделали?

– Надавила сильно...

Маргарита показала, как вдавливала нож в шею Кривичева. Двумя руками, сверху вниз.

– Зачем вы это сделали?

Табачный смотрел на женщину и с укором, и с одобрением одновременно. Он осуждал ее за совершенное преступление и в то же время поощрял за честность. Вот так бы все сразу – да, виноват, не судите строго...

И еще его радовало, что ларчик открылся быстро. Хороший знак на будущее.

– Не знаю, что на меня нашло.

– Не знаете?

– Дима меня бросил. Мне стало так обидно... Я из-за него с Иваном рассталась... Он так подло со мной поступил! – Маргарита полыхнула взглядом, но тут же остыла.

– И вы решили его за это убить?

– Да, но я же его не убила...

– Но ранили.

– Он обещал не заявлять...

– Обещал? После того, как вы его ударили?

– Да не ударила... Нож всего на сантиметр вошел... Ну, может, на два... Я вовремя осталась... Одумалась... Он меня ударил... – Маргарита провела рукой по скуле.

– Это не удивительно, – усмехнулся Табачный.

– Потом успокоился... Я наложила повязку, он ушел...

– А по дороге домой он потерял сознание и врезался в столб.

– Да?.. Я не знала...

– И сейчас Дмитрий Валерьянович находится в больнице. В тяжелом состоянии... Вы понимаете, что это значит?

– Но крови было не очень много...

– Собирайтесь, гражданка Гаева. Я отвезу вас в управление.

От своих душевных щедрот Платон готов был переквалифицировать это задержание на явку с повинной. Как-никак первое раскрытое дело в новой должности. Причем раскрытое самолично...

А Викторию и Катю можно оставить в покое, пусть сами разбираются со своими тараканами. И очень хорошо, если им не придется делить наследство покойного Кривичева. Даст бог, выкарабкается мужик.

Глава 6

Кого-то обокрали, кому-то голову в драке проломил – то одно, то другое. И так по кругу, закручиваясь по спирали. Но Юра не жаловался. Он сам выбрал эту профессию. К тому же опера сейчас в почете – и зарплата не в пример прежней, и квартира полагается.

Все хорошо, только бегать много приходится. Но ничего, станет большим начальником, сам других оперов гонять будет. У него еще все впереди.

Юра вышел из машины, непроизвольно-стремительной походкой направился к зданию УВД. Краем глаза заметил идущую от КПП девушку. Заметил, остановился, хотя очень спешил.

– Ты меня ждешь? – с грустным сарказмом спросила Женя.

На ней белая шапочка, светло-серое пальто на синтепоне. И сама она светлая, но без серого...

– Изолятор по кругу. – Он провел рукой, показывая, с какой стороны обойти здание, чтобы попасть во внутренний двор изолятора временного содержания, где до сих пор находился Никонов и два его дружка-подельника.

Одного должны выпустить, а двое пойдут по этапу в СИЗО. Зря они над стариком покуражились.

– Да мне по другому делу.

– Интересно.

Плошникову действительно было интересно все, что связано с Женей. Запал он на нее, так уж вышло. Но в ухагеры лезть не собирался. Вряд ли их можно было назвать классовыми врагами, но стояли они по разные стороны баррикады. Она путалась с Никоновым, и одно только это ставило крест на их отношениях.

– Мою сестру арестовали.

– Сестру, сестру... Гаеву?

– Ты знаешь? – Женя удивленно посмотрела на него.

– Ну, в курсе...

– Меня к следователю вызывают.

Кривичев отошел от наркоза, но в себя так и не пришел. Состояние тяжелое, возможно, так и умрет, не приходя в сознание. Тогда его дело переквалифицируют в умышленное убийство, и к работе подключится Следственный комитет. А пока Кривичевой занимается следственный отдел полиции. Тяжкие телесные, однако... Впрочем, Плошникову все равно, как там и что? У него своих заморочек – по горло... Или не все равно?

– Проводить?

Женя покорно кивнула. И даже взяла под руку, чтобы не поскользнуться. А прикосновение такое приятное...

Он провел ее через дежурную часть, они вышли к лестнице.

– Рита ни в чем не виновата.

– Да, я понимаю, этот Кривичев – кобель еще тот... Лучше бы она ему одно место отрезала.

– Следователь сказал, что нож вошел в шею на десять сантиметров, – Женя мотнула головой. – А Рита только чуть-чуть проткнула.

– Это она так говорит, что чуть-чуть. А Кривичев подтвердить ее слова не может.

– Как же он тогда от нее ушел?

– Ты видела, как бежит курица с отрубленной головой?

– Курица бежит куда попало. А Кривичев сел в машину.

– Но ему-то голову не отрубили.

Плошников провел Женю в свой кабинет, посадил на стул. Только тогда спохватился:

– Тебе же к следователю надо.

– Ничего, у меня еще полчаса...

– Чай будешь?

Старостин был на выезде, поэтому в кабинете они находились одни.

– Ну, можно.

Он включил чайник, выставил на стол пачку с заварными пакетиками, сахар, печенье.

– А то холодно на улице.

– Не холодно, – покачала головой Женя. – Холодно, когда в зоне.

– Закон суров, но он закон.

– А если Рита не виновата?

– Ножом она в Кривичева тыкала? Тыкала. Убить хотела? Хотела. Какой разговор.

– Какие вы здесь все жестокие! – На глазах у Жени заблестели слезы.

– Не жестокие. Жесткие... Ты вот Никонова защищала. А он у ветерана машину угнал.

И сжег. И вина его доказана.

– Но это Артем... Он по жизни такой дубовый. А Рита хорошая... И не виновата она.

Это кто-то другой сделал.

– Кто?

– А это я у вас должна спросить! Вы должны преступника искать, а не я. А с врачом я разговаривала! С хирургом, который Кривичеву операцию делал. Так вот, там и другой порез был. Рядом с основной раной порез. Неглубокий. Основная рана глубокая, а порез нет. Этот порез Рита сделала. Она чуть-чуть нож воткнула, а кто-то загнал нож по самую рукоять. Она остановилась, а тот, кто хотел Кривичева убить, не остановился...

– Ну, я подробностей не знаю... – в раздумье проговорил Юра. – Я не следователь. Он сейчас там решает...

– Решает, – кивнула она. – У него Рита во всем виновата... Сначала просто порезала Кривичева, а потом нож на всю глубину вонзила.

– А разве так не могло быть?

– Не могло! Рита слегка поранила, а кто-то со всей силы ударил.

– Кто?

– Это я у вас должна спрашивать!

– Успокойся.

Юра налил в кружку кипятка, бросил туда пакетик с чаем, открыл пачку с сахаром.

– А другой сахар есть? – спросила Женя.

– А чем тебя этот не устраивает?.. А-а, Крюковский сахарный завод! – догадался он.

– Я этого гада ненавижу! Он Рите всю жизнь сломал... Вот скажи, зачем он вообще появился? Рита замуж выходить собиралась... Иван – во мужик! – Она показала большой палец. – А это чмо нарисовалось, и все рухнуло!.. Знаешь, я бы сама этого козла убила!

Юра многозначительно приложил палец к губам:

– Не надо. Здесь каждое слово имеет свою цену.

– Да плевать, что у вас здесь имеет цену! Вам лишь бы невинного человека засадить!

– Твоя сестра сказала, что хотела убить Кривичева. А это мотив. И кровь у нее на кухне нашли... И нож приобщен к делу...

– Следы крови на ноже, да?

– Ну, кровь смыли.

– Я смыла кровь. И со стены кровь пыталась смыть... Надо было затереть, думала, потом... А если это я ударила Кривичева?

– И секс у тебя с ним был?

Плошников не вникал в курс дела, но кое-какие подробности знал. Например, то, что нож в своего любовника Кривичева вонзила в момент совокупления.

– Секс до того был. А я уже потом, когда он домой возвращался...

– Когда он шел, ты бы не смогла. А если бы на коленях у него сидела. Но на коленях сидела твоя сестра... Знаешь, что самка богомола во время секса откусывает голову своему самцу?

– Тебе смешно?! – Женя вдруг сама стала похожа на самку, которая могла откусить ему голову. Причем без всякого секса.

– Нет, просто в жизни всякое бывает...

– Да пошел ты!

Она не стала откусывать ему голову, но так резко повела рукой, что столкнула кружку с чаем со стола. Юра успел вскочить на ноги, и кипяток пролился на сиденье стула.

Женя поднялась и, разочарованно взглянув на Юру, направилась к выходу.

Остановить ее он не пытался. Может, оно и к лучшему, что у них не сложилось. Не в том они положении, чтобы быть вместе.

Сергей Степанович Пухлов производил впечатление человека чахлого, слабосильного. Сам тощий, грудь впалая, руки тонкие. И лицо – как будто его из Бухенвальда на откорм недавно выпустили. Но взгляд непоколебимо уверенного в себе человека убеждал в обратном. В нем чувствовалась сильная личность. И руки у него были вовсе не слабые. Крепкие, уверенные руки хирурга.

– Да, две раны были, – сказал Пухлов. – Одна неопасная, а другая смертельная... Во всяком случае, может стать смертельной. Задет нервный узел, повреждена трахея...

– Значит, Кривичева ударили дважды, – в раздумье сказал Плошников.

– Выходит, что так.

– Одним и тем же ножом...

– Вот этого я вам сказать не могу.

– Но можно же осмотреть раны, сравнить...

– Сравнить раны можно на трупе, – усмехнулся Пухлов. – А Кривичев пока еще жив. И рана после операции утратила первоначальный вид... Так что извините, ответить вам на этот вопрос я не могу.

– Первый удар был нанесен предположительно в районе девятнадцати часов. Значит, и вторую рану нанесли в то же время. А в больницу потерпевший попал в районе десяти часов. С момента удара прошло три часа...

– Нет, так не могло быть, – качнул головой хирург. – За три часа Кривичев бы истек кровью...

– Гражданка Гаева утверждает, что оказала ему первую медицинскую помощь. Наложила повязку, закрепила ее пластырем. Скажите, Сергей Степанович...

– Не было никакой повязки, – отрезал Пухлов.

– А следы ее присутствия? Пластырь, знаете ли, оставляет след.

– Какой след? Там все было в крови. И я не сыщик, чтобы искать следы. Мое дело спасти человека... Что еще?

– Три часа без медицинской помощи Кривичев прожить не мог. А сколько мог?

– Полчаса максимум. Примерно столько времени он и прожил.

– Включая поездку на своей машине... Потом была «Скорая помощь»... – вслух рассуждал Плошников.

– Если у вас будут вопросы, обращайтесь. – Пухлов легонько коснулся его плеча, как будто просил посторониться.

Но дожидаться, пока Юра сдвинется с места, хирург не стал. Обошел его и направился в ординаторскую.

Зима, снег, на дорогах реагенты, растапливающие наледь. Грязно на дорогах, но машина у Кривичева чистая. Видно, что вымыли ее перед выездом. Возможно, это сделали на заводской мойке. А от Крюковского в город вела параллельная с шоссе дорога, которую реагентами не посыпали. И грязь из-под колес на этой дороге не летела. В городе, правда, машина попадала под грязевые брызги, но испачкалась совсем чуть-чуть. Потом она въехала в столб, но грязней от этого не стала.

«Мерседес» GL-класса. Жаль, что такой красавец стоит с разбитым капотом. Его бы в ремонт, но пока нельзя. Идет следствие, а в машине кровь потерпевшего – это само по себе улика.

Ключи от машины у следователя, а Плошников к важному разговору пока не готов. Поэтому он подошел к машине только для того, чтобы заглянуть внутрь через стекло. Он обошел «мерс» по кругу, на крышке багажника заметил пятно. Кто-то прикладывал окровавленную ладонь к машине, возможно, опирался на руку. Машина черная, поэтому пятно едва заметно. А подробного обследования, видимо, еще не было. Или следователь просто не придал значения этому факту. Но Плошников игнорировать эту деталь не собирался. Надо будет заглянуть в материалы следствия или просто поговорить с экспертом. Если тот не заметил это пятно, Юра ему подскажет, пусть поработает.

Плошников уже успел побывать в доме, где жила Гаева. Чисто в подъезде. С четвертого по первый этаж чисто. Ничего похожего на кровь. Только на ступеньках между вторым и третьим этажами – коричневые пятна. Но это краска...

Если Кривичев был в тяжелом состоянии, он должен был опираться на перила. С них кровь стереть несложно, это могла сделать и уборщица. Но тогда и на ступеньках должно было что-то остаться, и на металлических прутьях перил. И о стену Кривичев мог опереться, как он это сделал, когда подошел к своей машине. И дверь из подъезда он бы облапал, когда выходил... Да и не могла уборщица стереть с перил всю кровь, что-нибудь, да осталось бы... Но в подъезде чисто, а на машине след крови...

Юра снова отправился в дом на улице Кутузова. Там он позвонил в дверь квартиры, из которой просматривался двор со стороны подъезда. Ему открыл сухопарый мужчина с лысиной в обрамлении седых волос. Он настороженно смотрел на гостя поверх роговых очков. Видно, очки для чтения – не для дали.

– Старший лейтенант Плошников. Оперуполномоченный уголовного розыска.

Мужчина испуганно приложил руку к груди:

– С Ромкой? – Он осекся, опасаясь сболтнуть лишнее.

– Ромка – ваш сын?

– С ним что-то? – выдавил мужчина.

– Да нет... Я так понимаю, он у вас не совсем благополучный, – пронизательно глядя на мужчину, предположил Юра.

– Так, что вы хотели? – успокаиваясь, произнес хозяин квартиры.

– Хочу, чтобы вы поделились со мной наблюдениями. Двадцать первого февраля примерно в это время... – Плошников посмотрел на часы. Действительно, восемнадцать часов сорок шесть минут. Если, конечно, основной удар был нанесен в это время... – Примерно в девятнадцать часов было совершено преступление. В сорок второй квартире...

– Да, я слышал.

– Слышали, как происходило преступление?

– Да нет, говорили, что Риту арестовали.

– Вы ее знали?

– Конечно. – Мужчина опустил ладонь на уровень колен, показывая, с какого возраста он знал Гаеву.

– Может, вы видели машину, которая стояла во дворе – двадцать первого февраля, в районе девятнадцати часов. Черный «Мерседес», внедорожник.

– «Мерседес»?.. Двадцать первого февраля?.. Да, видел. Я с работы возвращался, смотрю, стоит... Я еще подумал, как такую дорогую машину можно на ночь оставлять. Деньги на машину есть, а на гараж – нет. Лучше уж подешевле машину купить, чтобы на гараж осталось... Правда, потом машина уехала, я еще подумал, что все-таки гараж есть...

– Вы видели, как она уехала?

– Нет, выглянул в окно, а она уже уехала.

– Часто в окно выглядываете? – Именно об этом и думал Плошников, когда говорил о неблагополучном Ромке. Если отец так переживал за непутевого сына, то должен был постоянно высматривать его в окно. Во всяком случае, именно такая мысль мелькнула в голове оперативника.

– Ну, выглядываю...

– И когда машина уехала?

– Ну, если я часто выглядываю, как уж тут упомнить... – мужчина задумался. – Двадцать первого... Это вторник был?.. Да, вторник... Во вторник мы поздно ужинать сели... Хлеба не было... Ну да, я за хлебом ходил. Когда вышел, машины уже не было.

– А вышли когда?

– Ну в начале девятого вышел... В пять минут... Есть хотел, помню...

– То есть в восемь вечера машины уже не было?

– Да вы у Паши спросите. У Павла Васильевича из тридцать седьмой квартиры. Он свой «Ниссан» на это место парковал... Да, двадцать первого февраля. Во вторник. Мы с ним еще поздоровались... Или в понедельник? – Мужчина замер в раздумье.

Павел Васильевич Горобов парковал свою машину двадцать первого февраля в начале девятого вечера. Плошников сам сходил в тридцать седьмую квартиру и лично поговорил с Горобовым. И машину Павел Васильевич парковал, и со своим соседом Бариковым, который за хлебом шел, здоровался.

Значит, уехал Кривичев от Гаевой еще до того, как получил второй, близкий к смертельному, удар. Но саму Гаеву ни Горобов, ни Бариков не видели. И Кривичева не видели. Их жены тоже ничего конкретного сказать не могли.

Обход Плошников продолжать не стал. Когда он закончил говорить с Горобовым, было уже поздно. Тем более полномочий как таковых у него не было. Никто не привлекал его по делу Гаевой, и в пятьдесят третьей квартире он находился по собственной инициативе. В ущерб делам, которыми занимался. Завтра ему об этом напомнят...

Он уже садился в машину, когда увидел Женю. Она шла со стороны остановки, невеселая и задумчивая. В глазах грусть и печаль. А задумалась она так, что прошла мимо него, даже не заметив.

– Не проходите мимо, – сказал опер.

Женя вздрогнула, посмотрела на Юру.

– А-а, это ты! – опомнилась она.

– Я.

– А подкрадываешься чего?

– Я подкрадываюсь?! Я просто стою, как видишь.

– Да? Ну, может быть... А делал здесь что?

– Да вот, жду, на кого напасть... Ты так подумала?

– А если подумала?

– На Кривичева здесь могли напасть, во дворе. Когда он в машину садился. – Юра очертил ногой дугу по земле. – Если кровь здесь была, уже засыпало... А напасть могли...

– Кто?

– Не знаю. Но, может, кто-то видел. Я пока свидетелей не нашел.

– А ты спрашивал?

– А что я здесь, по-твоему, делал?

– Ну, хоть какая-то работа... А куда собрался?

– Домой... Ты тоже домой?

– Домой.

– Вот и мне пора...

– Может, мне самой?.. – задумалась Женя. – Может, мне самой поспрашивать. Вдруг кто видел?.. Это ты правильно придумал. Надо спрашивать...

– Это не я придумал, это метод работы такой.

– Ты бы мог мне помочь, – Женя посмотрела на него ясными глазами.

– Я? Тебе?

– Ну, можно и наоборот...

Женя подошла к Юре, взяла его под руку и увлекла к подъезду. Сопротивляться он не стал.

Глава 7

Баба Рая знала все. Если что-то нужно выяснить – это к ней. Во всяком случае, так уверяла Женя. Но так ли это на самом деле?

– Двадцать первого февраля?.. – Пожилая женщина с рыхлым лицом и грузным телом задумчиво уставилась в пол.

– Да, был «Мерседес». Большой такой, красивый... Он и раньше здесь бывал. На прошлой неделе... Мужчина такой симпатичный выходил, хорошо одетый. К твоей сестре шел! – Баба Рая глянула на Женю с осуждением. – И двадцать первого февраля был... С Ритой приехал, да... А потом уехал...

– Вы видели, как он садился в машину?

Женщина осадил Юру движением руки:

– Подошел к машине... Глянул вверх. На окна... Сел... Потом появилась Рита. Села к нему. И они уехали... Постояли немного, а потом уехали...

– Как уехали? – Женя мотнула головой, возмущенно глядя на женщину. Она как будто призывала ее отказаться от своих слов. – Рита не могла уехать с ним.

– Уехала.

– А когда они приехали? – не унималась Женя.

– А они не приезжали.

– А как же тогда Рита вернулась домой? Я когда пришла, она уже дома была!

– Не знаю. Может, сама пришла... Может, этот подвез. Я же не могу все время в окно смотреть! – Баба Рая грозно посмотрела на Женю и тут же захлопнула перед молодыми людьми дверь.

– Надо же, какой у вас здесь кладезь информации! – Плошников провел пальцем по цифрам на двери. Надо бы запомнить номер квартиры.

– Врет она все!

– Ты же сказала, что она все знает.

– Врет!.. Не могла Рита уехать с ним! – Женя смотрела на дверь так, будто за ней скрывался ее личный враг.

Плошников не знал, что сказать. Все, что удалось выяснить, указывало на невиновность Гаевой. Кривичев уехал от нее в районе двадцати часов, к машине он подходил, по всей видимости, твердой походкой. Даже на верхние окна дома глянул. Может, на окна Гаевой. И если бы он уехал без Риты, вопросы к ней отпали бы сами по себе. Но нет, она уехала с ним. И, возможно, при ней находился нож.

– Ты говоришь, Рита была уже дома, когда ты вернулась, – вспомнил он.

– Да, была дома.

– А когда ты вернулась?

– Ну, в первом часу ночи...

Юра вспомнил, при каких обстоятельствах он познакомился с Женей. Она была с Никоновым, в компании таких же веселых ребят. Более того, она вернулась в ту же компанию... Гуляющая она девчонка, и это приходилось признать.

– И где ж тебя черти носили?

– Тебе какое дело? – Женя возмущенно посмотрела на него.

– Артем твой вроде бы в изоляторе...

– А что, кроме Артема, не с кем тусить?.. Ты это хотел услышать?

Плошников махнул на нее рукой и направился к своей машине.

– Эй, ты куда?

Он уже завел двигатель, когда Женя подсела к нему.

– Домой.

– Я хочу поговорить с Ритой.

– Да, конечно. Завтра придешь к следователю...

– А ты не можешь устроить свидание?

– Нет.

– Слабо?

– Ты своих утырков на слабо бери, – фыркнул Плошников. – А со мной бесполезно. Я лицо ответственное. И уполномоченное.

– Ух ты!

– Не надо меня на слабо брать... А с твоей сестрой я сам поговорю.

Плошников решительно стронул машину с места. Женю он в камеру к сестре не проведет, но сам пройти к Гаевой сможет. С неофициальным визитом. И сейчас это сделать будет даже проще, чем днем. А действительно, куда она ездила с Кривичевым?

– Смотри, только без этого! – Прапорщик Столбов достал из кармана связку ключей. – Пытать можешь, а *это* – ни-ни!..

Дежурный вставил ключ в замочную скважину. И на мгновение замер в раздумье: – Нет, пытать тоже нельзя... Смотри там!..

Гаева в камере была одна. Она поднялась с койки сразу же, как только открылась дверь.

– У тебя три минуты! – бросил Столбов, закрывая за Юрой дверь.

Плошников жестом предложил заключенной сесть.

– Ты кто такой? – Гаева настороженно смотрела на него.

– Старший лейтенант Плошников... Возможно, Женя обо мне говорила.

Гаева мотнула головой.

– Женя считает, что вы невиновны, – продолжал Юра, – пытается убедить меня в этом... Я не занимаюсь вашим делом, но я помогал установить вашу причастность к покушению на Кривичева.

Он сел за стол, который здесь почему-то назывался дубком, а Рита опустилась на кровать, в арестантском просторечии именуемую шконкой.

– И что? – спросила она.

– Я установил, что двадцать первого февраля вы ждали Кривичева у ворот его завода. Он выехал, вы сели к нему в машину... Куда вы поехали?

– Ко мне домой.

– Когда он от вас ушел?

– В деле записано.

– Если вы не поняли, у нас неофициальная встреча. И у меня мало времени... Возможно, я смогу вам помочь. Если вы захотите...

– Дима ушел от меня в районе восьми вечера.

– Истекая кровью, ушел?

– Нет, крови не было. Я ее остановила...

– Наложили повязку.

– Да, наложила повязку...

– Значит, Кривичев ушел от вас без посторонней помощи.

– Да, без посторонней помощи.

– Что было дальше?

– Ничего...

– Вы не уезжали с ним?

– Уезжала. – Гаева, казалось, не видела в этом ничего предосудительного.

– Куда?

- Ну, я еще раз хотела попросить у него прощения...
- Попросили?
- Попросила.
- И куда вы поехали?
- Никуда...
- То есть – никуда?
- Он подвез меня к магазину и уехал.
- К какому магазину?
- Ну, магазин у нас там рядом. «Винный погребок». Вроде как только вино продаваться должно, а там все: и вино, и коньяк... Выпить мне захотелось, а дома ничего не было...
- Вам захотелось?
- Да, я захотела выпить. Вместе с Димой. Я предложила, он согласился... Мы собирались вернуться ко мне, я пошла в магазин, выхожу, а машины уже нет... Уехал...
- И долго вы находились в магазине?
- Минут пятнадцать... Там у мужчины передо мной карточка зависла, пока он расплачивался, время прошло... Видно, Дима передумал, пока ждал...
- Вы бы позвонили, узнали.
- Куда позвонить? – горько усмехнулась Гаева. – Он мне временный номер дал, а потом как будто телефон потерял. На самом деле симку выбросил... А другого номера я не знала... Да и не стала бы я звонить.
- Почему?
- Да поняла я все... – сокрушенно вздохнула Гаева. – Он от меня как от огня должен был бежать. И сбежал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.